

*Посвящается 60-летию первого
ученого-филолога В.Д.ЛЕБЕДЕ*

Вопросы эвенской филологии
Якутск:
Издательство "Северовед".

В сборник включены по
эвенской филологии Института
Севера Сибирского отдела
посвященные вопросам э
диалектологии, этнологии и с

ISBN 5 88975-013-5

Редакционная коллегия:

Научный редактор: *д.ф.н. В.А.Роббек.*

Составитель: *к.ф.н. Х.И.Дуткин,
к.и.н. А.А.Алексеев.*

Рецензенты: *к.ф.н. И.В.Куликова,
к.ф.н. Т.Е.Андреева.*

*Печатается по решению Ученого Совета Института проблем
малочисленных народов Севера СО РАН от 4 июля 1996 г*

ISBN 5-88975-013-5

© Издательство "Северовед"

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА

**ВОПРОСЫ ЭВЕНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ**

(труды молодых ученых)

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ЯКУТСК 1996

СЛОВО К 60-ЛЕТИЮ

**Василий Дмитриевич
Лебедев
(1934 - 1982)**

Дело В.Д.Лебедева – ученого, писателя и общественного деятеля эвенского народа, – особенно за последние 10-15 лет, продолжается усилиями его учеников, друзей. Именно В.Д.Лебедев был зачинателем многих дел. В настоящее время в ИПМНС СО РАН осуществлена его заветная мечта – создан отдел эвенской филологии. Отдел эвенской филологии приступил к созданию двух томов эвенского фольклора в 60-томной серии памятников народов Сибири и Дальнего Востока, которая была начата В.Д.Лебедевым. Большую часть своего таланта В.Д.Лебедев посвятил исследованию диалектов родного эвенского языка. Сегодня мы продолжаем его дело, и приступили к новому этапу исследования и обобщения диалектов эвенского языка. Наш отдел совместно со всеми специалистами, издательством “Просвещение” приступили к составлению нового поколения учебников, учебно-методических пособий по эвенскому языку. Открыты детские сады, кочевые начальные школы, эвенские группы в педучилищах №1 и №2 г. Якутска, кафедра северной филологии ЯГУ. Общими усилиями составлены: концепция дошкольного воспитания, развития национальной эвенской школы, комплексная государственная программа по сохранению, развитию и возрождению малочисленных народов Севера Якутии.

*Х.И.Дуткин,
заведующий отделом эвенской филологии ИПМНС СО РАН, 1996 г.*

Х.И.Дуткин к.ф.н., доцент

КРАТКИЙ ОБЗОР ВОПРОСОВ ЭВЕНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

(Из выступления на научной конференции, посвященной 60-летию В.Д.Лебедева — 19 декабря 1994 г., г. Якутск)

Эвены (по данным переписи 1989 г. — 17055 человек) — один из малочисленных народов Севера. Их язык, относящийся к тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских групп, представляет собой совокупность ряда территориальных диалектов: в Магаданской области насчитывается 4070 эвенов, Камчатской — 1642, Хабаровском крае — 1683, а в республике Саха (Якутия) — 9216 человек.

Предполагается, что тунгусо-маньчжурские языки составляют единую алтайскую языковую семью с монгольскими и тюркскими языками (а возможно, также с корейским и японским).

Из древних элементов традиционной материальной культуры эвены унаследовали и сохранили до наших дней жилища с использованием оленьей шкуры (зимние и летние) различного типа и названий (дьу, унэн, эптин, элтин, бою, нярму, илум) и жердей (чора, ирука), охотничье снаряжение (нуна, пэктэрэвун), комплект инструментов для обработки шкур (кэрдэ, чучун, кбчай), технологию шитья и орнаменты, многие образцы фольклора, обряды и старинные традиционные обычаи.

Кочевой образ жизни эвенов и экстремальные условия жизни выработали особое поведение в быту. Эти неписанные законы сохраняются и сейчас, особенно в условиях кочевья. Так, с малых лет у детей воспитывают уважительное отношение к старикам, инвалидам, сиротам, а также к домашним животным. Гостя обычно сажают на самом почетном месте жилища и угощают деликатесами из национальных блюд. Во время охоты на диких оленей, зверей, на уток и гусей берут (добывают) столько, сколько нужно семье или общине. Чтобы сохранить природу в первозданном виде, при перекочевках ездят обычно по одному и тому же созданному маршруту (летом — по летнему, зимой — по зимнему и т.д.).

Отдельные группы эвенов издавна жили в тесном соседстве и взаимодействии с другими народами северо-восточной России — чукчами, коряками, юкагирами, эвенками, якутами и с русскими. Такое разнообразие народов, окружающих эвенов, привело к формированию локальных особенностей, характерных для отдельных групп эвенов. Многие локальные группы эвенов и сейчас, кроме своего родного (эвенского) языка, знают и говорят на 2-х и более языках, например, эвены, живущие на Чукотке — русском и чукотском; эвены, живущие на территории республики Саха (Якутия) — на якутском и русском языках, а эвены Нижнеколымского улуса Якутии считаются настоящими полиглотами и разговаривают на пяти языках из разных языковых семей: эвенском, юкагирском, чукотском, якутском и русском.

Различные территориальные общности эвенов имели различные самоназвания. Наибольшее распространение получило самоназвание “эвен”, (в зависимости от диалектных норм может произноситься как эвѣн — ъвѣн — и т.д.), употребляемое в Хабаровском крае, Магаданской области, Пенжинском районе Камчатки, а также во всех районах республики Саха (Якутия). В научной литературе в основном существуют два толкования этимологии слова “эвен”. К.А.Новикова связывает происхождение самоназвания “эвен” с эвенским словом эвѣн — эвун (местный, здешний), а В.И.Цинциус с глаголом эвдэй (сходить, опускаться, в частности, спускаться с гор). Некоторые самоназвания локальных групп эвенов указывают на характер расселения, другие — на характер их занятий. Так, эвены Магаданской области, живущие в глубине материка, именовали жителей Охотского побережья “наматканами” т.е. поморами (от эвенского нам “море”), те же их в свою очередь — донрэткэнами (таежными). Эвены Магаданской области, а также Быстринского района Камчатки имеют самоназвание “орочи” (оленные). Кроме вышеназванных самоназваний, у эвенов встречаются еще родовые названия. Так, эвены Эвено-Бытантайского района республики Саха (Якутия) называют себя тюгясир (тюгясирский род), а эвены Кобяйского района — ламунка (ламункинский род), Аллаиховского — дэткэ, Усть-Янского — мэмэ и т.д. В специальной литературе эвенский язык именовался также “ламутским”.

По классификации К.А.Новиковой (1960-80 г.г.) эвенские диалекты могут быть объединены в три основные наречия: восточное (говоры Магаданской и Камчатской области и Хабаровского края), западное (говоры бассейна р.Лены и р.Яны), среднее (бассейна р.Индикирки и Колымы).

Одним из первых исследователей эвенского языка В.А.Горцевская называет голландца Н.Витцена, побывавшего в России в 1666-1677 г.г., среди материалов экспедиции которого обнаружены списки “ламутских” слов. Определенный интерес для исследователей диалектов эвенского языка представляют также материалы, собранные Д.Г.Мессершмидтом, С.П.Крашенинниковым и академиком П.С.Палласом (последний известен в тунгусо-маньчжуроведении также как составитель сравнительного словаря, в котором приводятся данные по семи диалектам эвенского языка и по двум диалектам эвенского).

Первая попытка введения письменности для эвенов была предпринята в 40-е годы XIX в., когда охотский протоиерей Стефан Попов перевел на эвенский язык молитвы и Евангелие от Матфея, однако стремление распространить письменность у православных священников успеха не имело. С.Попов составил также первый букварь на эвенском языке. Характерно, что именно на основе материалов С.Попова академиком А.Шифнером была предпринята первая попытка описания грамматического строя эвенского языка. Однако, большую научную ценность представляет другой труд А.Шифнера — грамматический очерк эвенского языка, изданный как приложение к опубликованным им материалам Г.Майделя.

История освоения эвенских говоров началась еще в XVII в., но предметом детального и подлинно научного исследования эвенский язык, как и другие языки народов Севера, стал на латинской графической основе. В 1936 г. в связи с тем, что народы Крайнего Севера начали активно осваивать русский язык, ставший языком межнационального общения, алфавит на латинской графической основе был заменен алфавитом на русской основе (фактически с 1931 по 1939 гг. оба алфавита использовались одновременно). С конца 20-х годов студенты-эвены обучаются в Институте народов Севера в Ленинграде (теперь — в Санкт-Петербурге), в Хабаровском, а позднее — в Магаданском техникуме.

Первое научное описание языка эвенов было дано известным ученым — этнографом и писателем В.Г.Богоразом в 90-е годы XIX в. во время его колымской ссылки. Однако, результаты наблюдений В.Г.Богораз над языковой структурой эвенского языка были опубликованы значительно позднее, в 1931 г., под названием “Материалы по ламутскому языку”. В работе подробно описаны морфологический строй эвенского языка и его фонетика. В качестве приложения к грамматическому очерку изданы 15 текстов с подстрочным переводом.

В советский период изучения тунгусо-маньчжурских языков появляются работы В.И.Левина, В.И.Цинциус, Л.Д.Ришес, К.А.Новиковой, Н.И.Гладковой, В.Д.Лебедева, посвященные исследованию различных аспектов языковой структуры эвенского языка. В этот период значительным событием стало создание в 1946 г. лингвистического описания эвенского языка, предпринятого В.И.Цинциус. Были уточнены многие фонетические характеристики эвенских звуков в соответствии с данными, полученными автором в кабинете экспериментальной фонетики ЛГУ, значительно глубже разработаны вопросы морфологии (в частности, грамматические категории имени и глагола).

Работы Л.Д.Ришес, К.А.Новиковой, В.Д.Лебедева, В.А.Роббека, Х.И.Дуткина посвящены описанию диалектов эвенского языка, соответственно арманского, ольского, языка эвенов Якутии, а также охотского диалекта, аллаиховского говора. Существенные уточнения в грамматические категории и научные представления о языке эвенов, в целом, внесла работа В.А.Роббека “Язык эвенов Березовки”.

Крупный вклад в разработку теоретических аспектов эвенской грамматики внесли ученые — тунгусо-маньчжуроведы: В.И.Цинциус, О.П.Суник, В.А.Аврорин, К.А.Новикова, В.А.Роббек и др. Во многом определяющими являются в этом отношении работы В.А.Роббека, успешно защитившего в декабре 1992 г. докторскую диссертацию на тему: “Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте”. В.А.Роббек, используя достижения своих предшественников, осуществил комплексный функционально-семантический анализ базовых грамматических категорий глагола. Тем самым по существу он основал новое направление в научной грамматике эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков. До недавнего времени грамматические категории рассматривались в направлении “от формы к значению”. В.А.Роббек вслед за В.А.Бондарко

и ряда других ученых предлагает дополнить формальный подход функциональным, при котором излагаются разноструктурные средства, используемые для выражения функциональных категорий. Так, выделяются автором и конкретно анализируются на материале современного эвенского языка функционально-семантические категории модальности, темпоральности, временной локализованности — нелокализованности, персональности, залоговости, аспектуальности. Заметный вклад вносят и другие сегодняшние специалисты — эвеноведы — А.А.Бурыкин, А.А.Петров, Х.И.Дуткин, А.Л.Мальчуков, А.А.Данилова, В.А.Петрова, В.Г.Белолобская, С.И.Шарина.

Определенный опыт в области освоения эвенского языка накоплен отечественной лексикографией и лексикологией. Первый словарь эвенского языка вышел в 1926 г. в Петропавловске-Камчатском под названием “Русско-ламутский словарь” и содержал всего 250 слов. Через десять лет был издан еще один двуязычный словарь — “Эвено-русский словарь” В.И.Левина, преимущественно основанный на словарных материалах В.Г.Богораза. Наиболее удачными работами с свое время были, по оценкам специалистов, двуязычные словари, вышедшие уже в послевоенные годы, в частности, русско-эвенский словарь, составленный В.И.Цинциус, Л.Д.Ришес, и эвено-русский словарь тех же авторов, изданный Учпедгизом в 1957 г. В настоящее время функционирует новый двуязычный словарь для начальных классов эвенской школы — эвенско-русский и русско-эвенский (1990 г.) значительно усовершенствованный, который переиздается уже второй раз (авторы В.А.Роббек, Х.И.Дуткин, А.А.Бурыкин).

Продолжается изучение эвенского синтаксиса. По существу, первый опыт системного описания эвенского синтаксиса принадлежит Н.И.Гладковой. Глубокое описание синтаксической структуры эвенского простого предложения, выполненное в духе функционального синтаксиса, представлено в кандидатской диссертации А.Л.Мальчукова.

Словарный состав эвенского языка весьма богат и не уступает по уровню развития лексическому составу развитых литературных языков, с той разницей, что наиболее развитыми в эвенском языке являются разделы лексики, связанные с традиционными занятиями (оленоводство, рыболовство, охота, быт), материальной и духовной культурой народа, а также особенностями климата и окружающей природы (лесотундренной и горнотаежной). Например, в эвенском языке зафиксировано в общей сложности около 1500 слов — названий, относящихся только к оленеводству (Х.И.Дуткин, 1990 г.).

Оригинальные произведения художественной литературы на эвенском языке начинают появляться в середине 30-х г. нашего века. Основоположником эвенской литературы считается эвен с Индигирки, поэт, прозаик Николай Тарабукин. Его книга “Кунгарапу” (“Мое детство”) 4 раза издавалась на эвенском языке (последнее место издания — г.Магадан, 1982 г.) и несколько раз выходила на русском и якутском языках. Обширно и разнообразно литературное наследие педагога и писателя Платона Ла-

мутского (Степанова). В 1984 году опубликован первый в эвенской литературе его роман "Дух земли". Известны также имена эвенских поэтов Василия Лебедева, Афанасия Черканова, Христофора Суздalова, Александра Шадрина (Колымского), в наши дни пишут свои стихи Василий Кейметинов, Дмитрий Кривошапкин, многим известно имя поэта, прозаика Андрея Кривошапкина. Недавно заявили о себе интересными книгами молодая поэтесса Варвара Аркук (Белолюбская), прозаик Е.В.Едукин, прозаик и поэтесса Мария Амалич, поэтесса и певица Евдокия Бокова.

Книги для детей и произведения русской и советской литературы выходили в переводах на эвенский язык И.Ф.Березкина, А.К.Дьячкова, К.И.Уягана, А.И.Фроловой, П.А.Черканова, М.Д.Дьячкова, А.И.Хардани, П.А.Зыбина, А.А.Бурыкина и многих других, обычно сочетавших переводческую деятельность с многотрудной научной и педагогической работой.

Эвенский фольклор собирается и изучается с 40-х годов XVIII в. Первые записи эвенских песен и мифов о происхождении земли и человека были сделаны Я.И.Линденау. Предания и сказки записывали участники путешествия Г.Майделя в 60-е годы XIX в., В.Г.Богораз, В.И.Иохельсон, в советское время — Н.П.Ткачик, В.И.Левин, Б.Л.Кронгауз, А.Р.Беспаленко, В.И.Цинциус, К.А.Новикова, А.В.Беляева, Л.Д.Ришес, Н.С.Тарабукин, П.А.Степанов (Ламутский), В.Д.Лебедев, Ж.К.Лебедева (исследователь не по оригиналам), В.А.Роббек, А.А.Бурыкин, Х.И.Дуткин, А.Л.Мальчуков, В.С.Кейметинов, А.А.Данилова (собиратель эвенского фольклора на якутизированной графической основе, т.е. такими долгими гласными и дифтонгами, как аа, оо, из и т.д.), А.И.Хардани, Е.Н.Бокова, Е.В.Едукин, Л.Е.Большакова и другие. Собираателями зафиксированы несколько тысяч образцов произведений (текстов) эвенского фольклора разных жанров. Большая часть собранного материала по сей день не опубликована.

Фольклор эвенков и в наши дни очень богат. У эвенков продолжают бытовать разнообразные сказки — сказки о животных, героические и волшебные, а также сказки, отражающие духовную жизнь, их историю и культуру, бытовые сатирические сказки. Эвенки старшего поколения помнят предания о событиях минувших веков, представляющие эвенкам в устном виде историю их края и их народа, рассказывают сказки-былинки о встречах со сверхъестественными существами. Эвенки старшего поколения помнят загадки, воспитывающие сообразительность и смекалку и оттачивающие словесное искусство, хранят воспоминания о заклинаниях-благопожеланиях, обращенных к силам природы, а запреты-обереги, когда-то связанные с верой в духов-хозяев, и сейчас определяют бережное отношение эвенков к окружающей природе.

Живо и песенное искусство эвенков. Среди эвенков хорошо известны такие поэты-песенники и мелодисты как Д.Едукин, Д.Слепцов, П.Старков, Е.Бокова, А.Степанов, В.Шадрин, Л.Дуткин, А.Трайзе и другие. С некоторыми из них профессионально работает первый эвенский композитор П.М.Старостин.

Изучение языка и фольклора любого народа имеет большое научно-практическое значение, особенно в условиях нынешнего времени — пробуждения самосознания и возрождения народов, для разработки истории происхождения самосознания и возрождения народов, для разработки истории происхождения языка, для выявления современной языковой ситуации у малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Малочисленные народы активно вовлекаются в процессы экономической, политической и культурной интеграции наций и народностей, что является характерным для всего мира в целом. Сходные тенденции наблюдаются и на зарубежном Севере — Канаде, Аляске и в Скандинавских странах. Тем не менее родной язык, традиционная культура продолжают выступать как признаки, определяющие этническое самосознание наций и народностей, сохраняющие уникальность каждой из них в общей семье человечества.

По нашим наблюдениям, с учетом современной языковой ситуации, говоры эвенского языка должны делиться на два — на восточное и западное наречия. К восточному наречию могут быть отнесены русскоязычные эвены Магаданской, Камчатской областей и эвены Охотского района Хабаровского края, к западному — якутоязычные эвены Якутии (кроме эвенов Среднеколымского района). Так, например, якутоязычные эвены, длительное время живя бок о бок в основном с русскоязычным населением, мыслят и говорят на двух языках — на якутском и эвенском (с большим применением диалектных особенностей западного наречия).

С другой стороны язык эвенов Якутии можно условно разделить на два поддиалекта — тундренный и горнотаежный. К тундренному диалекту эвенского языка можно отнести говор эвенов родоплеменности Аллаиховского (детки), Усть-Янского (мэмэ), Нижнеколымского (илкан) и Булунского (тюгясир) улусов; к горнотаежному диалекту — говор эвенов Абыйского, Момского, Оймяконского, Томпонского, Кобяйского, Эвено-Бытантайского, Верхоянского улусов республики Саха (Якутия).

Принятый в советскую эпоху эвенский литературный язык, основой которого послужил ольский говор восточного наречия эвенского языка, к сожалению, не стал наддиалектным. Наоборот, с каждым годом различия между диалектами и наречиями становятся заметнее вследствие территориальной разобщенности групп населения. Односторонняя ориентация на грамматику и письменность славянских языков, в частности, — русского языка, со временем стала препятствием для дальнейших исследований в области тунгусо-маньчжурских языков, в том числе и эвенского, привела к игнорированию их фонетических, грамматических и лексических особенностей.

Таким образом, становление эвенской письменности (как и письменности других младописьменных народов) — это не одновременное свершение, а длительный процесс, предполагающий дальнейшие исследования и совершенствование языковой структуры эвенского языка.

В настоящее время в Отделе эвенской филологии Института проблем малочисленных народов Севера работают 13 сотрудников, в основном все эвены и специалисты по эвенской филологии. Из них на постоянной основе — 9 человек (из Якутска), по совместительству из С-Петербурга (ЛИИ РАН, РГПУ им. А.И.Герцена — головных институтов) — 3, в том числе три доктора наук — Д.М.Насилов, Н.А.Алексеев, и В.А.Роббек; 4 кандидата наук — Х.И.Дуткин, Н.С.Сивцева, А.А.Петров, А.Л.Мальчуков, старший научный сотрудник — В.А.Кейметинов, 3 соискателя по эвенскому языку — В.Г.Белолобская, С.И.Шарина, В.А.Петрова, два старших лаборанта — Н.Н.Дьяконова, М.Е.Роббек.

Нами разрабатываются актуальные вопросы по грамматике современного эвенского языка, диалектологии, лексикологии и литературе, например, такие темы, как “Числительные эвенского языка” (исп. С.И.Шарина), “Лексика по духовной культуре эвенов” (исп. А.А.Петров), “Язык эвенов Томпо” (исп. В.А.Петрова), “Говоры эвенов тудренной зоны Якутии” (исп. Х.И.Дуткин), “Эвенская топонимика на территории Якутии (по Кобяйскому и Томпонскому улусам)” (исп. В.А.Кейметинов) и “Очерки эвенской литературы” (исп. Н.С.Сивцева) и другие.

В связи с возрождением эвенского языка, литературы и фольклора мы намерены в короткий срок, в течение 6-7 лет (до 2000 г.), создать по современному эвенскому языку — “Академическую грамматику современного эвенского языка (в 3-х частях)”, “Академический эвенско-русский, русско-эвенский словарь”, “Диалектологический словарь”, учебники и учебно-методические пособия для ЯГУ, педучилищ, национальных школ, дошкольных учреждений, а также “Библиотеку для родителей” с учетом диалектной основы на местах и в регионах проживания эвенов (по языку, традициям, обычаям и по традиционным отраслям: оленеводству, охоте, рыболовству). По эвенскому фольклору приступили к сбору материалов по сказкам, мифам и преданиям эвенов Колымы, Индигирки и Верхоянья. По эвенской литературе будем выпускать отдельные книги (тома) о творчестве наших писателей — Н.Тарабукина, П.Ламутского, В.Лебедева, А.Кривошапкина, а также сборники стихов и песен молодых поэтов, самодельных мелодистов, певцов-импровизаторов, т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Бурькин А.А. Русско-эвенский разговорник. Магадан, 1991.

Бурькин А.А. Жанровый состав фольклора эвенов и его региональные варианты — кн.: Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск, 1991. — с. 138-150.

Васильева Д.Е. Идеино-эстетические истоки поэзии В.Лебедева. — В кн.: Литература народов Севера Якутии. — Якутск, 1990. с.85-98.

Горцевская В.А. Очерки истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1959.

Дуткин Х.И. Краткий словарь-разговорник для изучающих эвенский язык. — Якутск, 1992.

Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. Автореферат. — Л., 1990.

Дуткин Х.И. Тематический эвено-русский словарь для оленеводов. — Якутск, 1990.

Мальчуков А.Л. Дистрибутивные конструкции и глагольная валентность в эвенском языке (статья) // ж. "Языки мира" 1992, Мюнхен (на английском языке).

Мальчуков А.Л. Синтаксис и семантика адверсативно-пассивных конструкций в эвенском языке (статья) // Генго Кенкюю. 1993, № 1, Токио (на английском языке).

Мальчуков А.Л. Адверсативные конструкции в эвенском языке по отношению к пассиву и пермиссиву (статья) // Амстердам, 1993, (на английском языке).

Мальчуков А.Л. Грамматический очерк эвенского языка (монография) // Мюнхен, 1994, (на английском языке).

Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. — Л.: Наука, 1978.

Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. — Л.: Наука, 1982.

Новикова К.А. Эвенские сказки, предания и легенды. — Магадан, 1987.

Новикова К.А. Очерк диалектов эвенского языка, ч. 1. — М. — Л., 1960.

Роббек В.А. Виды глагола в эвенском языке. — Л.: Наука, 1982.

Роббек В.А. Категория залоговости в эвенском языке. — Л.: Наука, 1984.

Роббек В.А., Дуткин Х.И., Бурькин А.А. Словарь эвенско-русский и русско-эвенский. — Л.: Просвещение; 1988.

Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. — Л.: Наука, 1989.

Роббек В.А. Грамматические категории эвенского языка. — С-П.: Наука, 1992.

Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. — Л.: 1947.

Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. — М.: 1952.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ НУМЕРАТИВНОСТИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория количества, как предмет науки, известна еще с поры пифагорийцев, которые изучали природу числа. Как философская категория, количество является пространственной и временной определенностью тел, которая выражается через меру, число, величину.

В современных языках эта категория находит свое выражение в различных языковых реалиях. Исследователи признают, что категория количества как частный вопрос охватывает и категорию множественности. Но более точного определения пока не сформулировано.

В эвенском языке, как и в других языках, довольно широко описаны грамматические и морфологические средства реализации количественных признаков (В.И.Цинциус, К.А.Новикова, В.Д.Лебедев, В.А.Роббек). Но имея в виду категорию количества как понятие не только лексического уровня, мы выходим за рамки языка, включается "мыслительное" содержание наших знаний, объем которого значительно шире и богаче того, которое закреплено в языке. Мы будем иметь в единой системе различные языковые уровни выражения смысла количества, стараясь охватить все имеющиеся средства, используемые для этого. (В данной статье будут рассматриваться пласты только в рамках именных частей речи).

В эвенском языке средства, выполняющие одну и ту же семантическую функцию — обозначение количества, можно рассматривать в рамках единой функционально-семантической категории нумеративности.

Как семантическая категория, нумеративность включает в себя систему счета и систему множественности эвенского языка. Средства же, которые являются выразителями семантической категории нумеративности, в плане структурном составляют поле нумеративности. И здесь резонно поставить вопрос: какая из морфологических категорий может стоять в центре категории нумеративности?

Подобно другим языкам, эвенский язык тоже имеет формальные средства выражения множественности. Основным средством выражения множественного числа имен в эвенском языке является суффиксация. Суффиксы — показатели множественного числа -л/-р достаточно широко описаны и отмечаются всеми эвеноведами. Нам кажется, что эти суффиксы могут быть безоговорочно отнесены к центральному кругу категории нумеративности. Они являются самыми рельефными, наиболее отчетливо воспринимаемыми и никаких других функций в языке не несут. Данные суффиксы могут присоединиться к основе: куна-кунал 'ребенок-дети', окат-окатал 'река-реки', ит-итэл 'зуб-зубы', удь-удьил 'след-следы', муран-мурар 'лошадь-лошади'.

Сюда же можно отнести суффиксы -сал/-сэл, -нил/-нил, -тил/-тал, -рэл, образующие множественное число имен существительных. Например: хаман-хамасал 'шаман-шаманы', эвен-эвесэл 'эвен-эвены', аман-амтил 'отец-отцы', хут-хурэл 'ребенок-дети'.

Нужно отметить, что основные суффиксы множественности -л/-р присущи не только именам существительным, но и другим частям речи, в частности, прилагательным. Например: эгден-эгдэр 'большой-большие', банюк-банюкул 'упрямый-упрямые'.

Но, касаясь вопроса предмет количества, основным содержанием которого является категория числа существительного, нельзя не остановиться на противопоставлении понятий "один" и "более, чем один".

Противопоставление одного предмета двум и более предметам имеется в большинстве языков, оно свойственно и существительным, и местоимениям, и числительным, и глаголам.

Категория единственного и множественного числа существительных имеет в своем понимании непростые перипетии. Язык обладает универсальным свойством: обобщенностью значений всех языковых знаков. Весь комплекс знаний об отдельном предмете, свойствах, качествах, признаках вещей — все это в сознании опирается на образы, понятия, опыт: в языковых же образах схвачены отдельные свойства явления, которые позволяют в сознании восстановить целостное знание о нем. Так, единственное число существительного выражает не только понятие одного предмета, но и открывает представление о нем: о его массе, количестве, веществе; качестве, состоянии, о его роде, виде. Единственное число существительных может обозначать и множество предметов, класс, обобщенную множественность. Способность формы единственного числа иметь значение множественности отмечала В.И.Цинциус, обозначая как "общее число". Формальная недифференцированность в числовом отношении в речевой ситуации может быть, когда нет необходимости выделять количественный аспект предметов, о которых идет речь. Например: Буюн намтаки хоррин. 'Дикий олень к морю ушел'. Сообщается, что стада диких оленей откочевали к морю. Большое значение здесь имеет речевая ситуация: кто с кем, по какому поводу говорит.

О том, что в эвенском языке не всегда находит яркое выражение противопоставление категорий единственности и множественности, свидетельствует тот факт, что существуют особые группы существительных, употребляющихся только в единственном числе, например:

1) имена существительные, которые обозначают совокупность однородных единиц и количественно неопределенное единство: ниса 'бисер', экзнь 'молоко', имдэн 'масло', иманра 'снег', мө 'вода', хултэн 'зола', гит 'черника', хил 'уха', хунэл 'кровь', колали 'икра' и др. Такие существительные уже обозначают множества — единое и собирательное. Количественно они могут быть охарактеризованы определенной мерой (вес, объем) и словами со значением количественности;

2) имена существительные, которые обозначают вещество или материал: металлы, химические соединения и т.д. К ним относятся слова: тудь 'олово', чирит 'медь', мэнгэн 'серебро', хэл 'железо' и др;

3) имена существительные, обозначающие явления природы: нэлтэн 'солнце', нулун 'воздух', агди 'гром', бот 'град' и т.д.;

4) слова, обозначающие некоторые отвлеченные понятия: бāн 'лень', мэргэн 'ум', нис 'счастье', танун 'счет', ус 'вина', дэбэмэн 'голод', хāтар 'темнота'.

В эвенском языке значительный интерес представляют слова типа орат 'трава', тэвтэ 'ягода', содержащие понятие рода, вида предметов. Когда они оформлены формальным показателем множественности, например: оратал 'травы', тэвтэл 'ягоды', то понимаем не количество в штуках, а разнообразие видов. Например: Кунал тэвтэлбу тэвлиддитэн: акнил — гиту, нөл — хэмтэв. (Дети собрали ягоды: старшие братья — голубику, младшие — бруснику).

Существительные, которые употребляются только во множественном числе, в эвенском языке в основном обозначают парные составные предметы, части тела: ясал 'глаза', бэдэл 'ноги', нал 'руки', оһал 'камыс'. Г.А.Меньшиков определял их как "застывшие формы множественного числа". Действительно, данные существительные оформлены формальным показателем множественности: суффиксом -л. Но в эвенской речи можно отметить наличие следующих слов: налал 'руки', ясалал 'глаза'. Здесь уместно выделить, что некоторые лингвисты отмечают наличие в языке "множественного числа во второй степени". В частности, Есперсен приводит три типа множественного числа во второй степени. Мы склонны считать, что в данном случае это явление имеет место. Слова типа налал, ясалал могут означать определенное количество в приведенных словах: руки двух человек, две пары рук, три пары глаз и т.д.

Итак, мы вкратце рассмотрели некоторые моменты противопоставления категорий единственности и множественности в эвенском языке.

Категорию нумеративности в эвенском языке актуализируют суффиксы притяжания единственного и множественного числа существительных: -в, -у, -му, -бу; -с, -си, -н, -ни, -вун, -т, -ун, -мун, -бун, -сан/-сэн, -тан/-тэн — фонетические варианты лично-притяжательных суффиксов и возвратно-притяжательные суффиксы, указывающие на число владельцев предмета или лица: -й, -и, -ми, -би, -вур, -ур, -мур, -бур.

Нам кажется, что можно отметить сингулятивный вариант словоизменения существительных, как показатель некоторой количественности или меры в эвенском языке. Иногда в речевой ситуации встречаются слова с формантами -чэн, -какан/-кэкэн для обозначения малого количества (или даже одной штуки) в словах собирательного значения: нюриткэкэн 'волосок', чүриткакан 'бисеринка' и др. В таких случаях традиционно уменьшительный суффикс может воплощать в речи идею числа, количества. Но эти же форманты могут выражать в оценочной ситуации характеристику сущности предмета. Например: Эрэк кунакакан нюриткэкэнни ноҕкакан. (У этого ребеночка волосенки густенькие). Здесь формант —

кэкэн выступает в традиционной “обязанности” — выражает уменьшительно-ласкательное отношение к предмету речи. Но в выражении: Чакчалав, нюриткэкэн эмэлтин. (После того, как я убралась, волосинка осталась), — дается количественная характеристика — только одна волосинка.

Значит, можно в структуре ФСП нумеративности выделить сингулятив как способ выражения в речи семантической категории нумеративности.

Значительный интерес представляют в эвенском языке нумеративные слова — слова, обозначающие как определенные, так и неопределенные меры. Они непосредственно связаны с числительными. В разговорной речи, фольклоре эти слова используются, образуя вместе с числительными своеобразные меры длины, объема, времени и т.д. Образно говоря, нумеративные слова являются как бы “прицепами” числительных.

В эвенском языке встречаются следующие слова, обозначающие меры длины: тогар (расстояние между большим и указательным пальцами при их вытянутом положении), ечэн (мера длины от локтя до конца пальцев вытянутой руки), дәр гадан (расстояние от середины груди до конца пальцев вытянутой руки), томкан (расстояние равное одному шагу), дәр (расстояние, равное длине распростертых рук), нулгэ (расстояние между кочевьями), чанат (расстояние пройденное без остановки), кӯникич (отрезок расстояния, куда доходит крик).

Количественную семантику несут специальные слова, обозначающие меру объема. Например: өмэн өлэнрэ (кусочек мяса на одну варку). Имеются слова меры времени: инэн (день), бяг (месяц), ангани (год), тугэни (зима), нэлкэ (весна), дюгани (лето), болани (ранняя осень), мөнтэлсэ (поздняя осень). Причем, эти промежутки времени все имеют четкие границы меры.

Имеются в эвенском языке и слова, используемые при счете штучных предметов и при подсчете предметов по группам, Например: һанни (горсть), нимнэн (глоток), эвумрэ (щепотка).

Сохранилось фразеологическое выражение “чайник һуйэлтэнэн” (промежуток времени для закипания чая). Общая количественная нагрузка свойственна и слову нэкэ (следы от многократного прохождения).

Итак, нам представляется возможным выведение нумеративных слов в отдельный пласт ФСП нумеративности. Как известно, нумеративную семантику несет и эвенское местоимение. Семь личных местоимений (три в единственном числе и четыре во множественном) эвенского языка традиционно употребляются для обозначения субъекта действия, указывая при этом на его единственность или множественность. Личные местоимения би, хи, нонган (я, ты, он, (она) обозначают единственное число субъекта; бу, мут, ху нонгарган (мы, вы, они) по своей семантике обозначают множественность. Эти местоимения составляют отдельный ярус ФСП нумеративности. Сюда же можно, по-видимому, отнести и возвратные местоимения мэни, мэрбур: себя (одного лица), себя (многих лиц).

Притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения, показывающие нумеративность лиц — обладателей того или иного объекта, тоже могут быть вынесены в отдельный пласт ФСП нумеративности. Притяжательные местоимения минги (мой), хинги (твой), нонгин (его, ее), мутни, мунги (наше), хунги (ваш), нонгаргитан (их), указывают на единственность или множественность предметов, принадлежащих одному лицу, указывает местоимение мэнгилби 'свои'. Мэрнгилбур 'своих' же содержит в себе двойное значение множественности, обозначает множество предметов, принадлежащих многим лицам. Сюда же можно отнести и указательные местоимения эр, эрэк, тарак (этот, тот), эрэл (эти), тарал (те), тавур (вот тот), определительные местоимения эррочин, таррочин (такой), эррочир, таррочир (такие), вопросительные местоимения як (что?), ни (кто?) и их формы множественного числа ял? ние? Интересно употребление в эвенском языке слова гя. Само присутствие в речи этого традиционно определительного местоимения в качестве указателя порядкового счета предметов и явлений, говорит о наличии некоего множества. Как показатель нумеративности может характеризоваться и прилагательное нонап (первый, начальный, исходный), н'огамга (передовой). Семантика этих слов довольно ясно указывает на порядковую первичность в некотором множестве.

Отдельно можно выделить слова, обозначающие количественность, которые традиционно относят к определительным местоимениям: чэлэн (все), кубэч (целый, весь), хоя (много). Они употребляются с показателем множественности и без него. Но они сами по себе семантически выражают идею множественности.

Итак, мы сделали попытку рассмотреть нумеративность в рамках именных частей речи традиционной грамматики. Нужно отметить, что и в этом ограниченном пласте эвенского языка выражение идеи количественности распространяется не только на грамматикализованные признаки — суффиксы обозначения *множественности*, но охватывает и более широкие слои слов, несущих семантически нумеративную функцию. Таким образом, нумеративность как функционально-семантическая категория полевого структурирования позволяет свести в единую систему на основе функционального принципа средства языка из различных разделов грамматики: имя существительное, имя числительное, местоимение, глагол, деепричастие, притяжание, надежное спряжение, наклонение, синтаксические структуры.*

* В данной статье рассмотрены пласты ФСП только в рамках именных частей речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есперсен О. Философия грамматики. — Л.: Наука, 1958.
2. Меновщиков Г.А. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Вопросы языкознания. 1970, № 10, с. 82-88.
3. Панфилов В.З. Типология грамматической категории числа и вопросы ее исторического развития // Вопросы языкознания. 1976, № 4, с.18-38.
4. Поротова Т.И. Категория множественности в енисейских языках. Томск: ТГУ, 1989.
5. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. — Л.: Наука, 1989.
6. Цинциус В.И., Летагина Н.И. К истории множественности в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. — Л.: Наука, 1978, с.197-231.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема классификации частей речи на протяжении длительного времени была и остается центральной в научной грамматике. Изучение частей речи в тунгусо-маньчжуроведении имеет большое практическое значение для преподавания языков в общеобразовательных школах, средних и высших учебных заведениях, для подготовки учебников и учебных пособий и т.п. Вместе с тем нужно сказать, что в эвеноведении не совсем решен принцип выделения отдельных частей речи, в частности, числительных.

Как и все народы, у которых письменность появилась после Октябрьской революции, эвены до тридцатых годов знали только устный счет. Цифровых знаков для обозначения количества не было. Устный счет был разработан до известных пределов, наибольшее число в эвенском языке было представлено словом *няма* (сто). Незавершенность в языке числительных высших классов можно объяснить тем, что условия материальной жизни народа не создавали необходимости вести счет в таких больших масштабах, как тысяча, миллион и т.д. Вероятно, уровень тогдашнего общественного и экономического развития удовлетворялся имеющимся счетом.

В грамматических работах все эвеноведы выделяют в самостоятельный разряд счетные слова, обозначающие числа, причем почти все традиционно трактуют их как слова, которые обозначают количество предметов. Здесь важно упомянуть взгляд на эту проблему крупных исследователей тунгусо-маньчжурских языков. В.А.Аврорин, с одной стороны, относил числительные к разным частям речи — прилагательным и наречиям, и в то же время, с другой стороны, на основании категориально-семантического признака выделяет как часть речи. О.П.Суник утверждает, что разряд числительных вполне последовательно распределяется по классам существительного, глагола, прилагательного и наречия.

Итак, среди исследователей нет единого мнения о том, являются ли слова, обозначающие число, самостоятельной частью речи. Нет единой точки зрения и по вопросу классификации внутри имен числительных, деления их на разряды. Это видно из работ В.Г.Богораза, В.И.Левина (7 разрядов), В.И.Цинциус (9), Л.Д.Ришес (7), К.А.Новиковой, В.Д.Лебедева (6), В.А.Роббек (9), Х.И.Дуткина (10).

Из вышеизложенного ясно, насколько важно наличие грамматического определения числительного как части речи.

Известно, что числительные выражают конкретный счет предметов и в то же время, абстрагируясь от конкретного, они обозначают отвлеченное понятие счета — число. Что же является объектом имени числительного?

Если исходить из того, что числительное — это часть речи, которая воплощает идею отвлеченного числа, выражает порядковый счет предметов, то объектом будет сложившаяся к настоящему времени в эвенском языке счетная система и каждая единица этой системы — число. При такой постановке вопроса можно выделить следующие разряды: в разряд количественных числительных входят слова и комбинации слов, выражающих натуральные числа. Основной пласт составляют такие названия единиц счета как: өмэн (один), д'өр (два), илан (три), дигэн (четыре), тунган (пять), нюнгэн (шесть), надан (семь) дяпкан (восемь), уюн (девять), мян (десять), название сотни (няма). Эти слова — корни можно рассматривать как простые первообразные или непроеизводные лексические единицы, которые в результате процесса исторического развития в различных тунгусо-маньчжурских языках дали разные варианты. Этимология этих числительных, по данным сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков, прослеживается от маньчжурского и китайского языков.

Все остальные количественные числительные в эвенском языке по своему морфологическому составу являются производными. Количественные числительные второго десятка образуются путем сочетания числа — слова мян (десять) с числами первого десятка. Но есть еще и второй способ — аддитивный — к сочетанию числительных или к количественному числительному первого десятка прибавляется слово хулэк (лишний): мян дыгэн хулэк (десять четырем лишним) или мян хулэкин дыгэн (излишек десятка четыре).

Названия круглых десятков в основном однотипно: к количественному числительному первого десятка прибавляется слово мян (десять), во множественном числе мяр/-мер (десятки): д'өрмер (двадцать), иланмяр (тридцать).

Сотни образуются путем прибавления к числительным первого десятка слов няма (сто): д'өр няма (двести), тунган няма (пятьсот). Итак, как и в других языках с десятичной системой счисления, в эвенском языке в высших классах всегда повторяются счетные единицы низших классов.

Порядковые числительные образуются от основ количественных числительных при помощи суффиксов -и, -ги: или, тунги, дяпки и т.д. Имеет место и образование при помощи суффикса -с: илис (третий), дыгис (четвертый). Между порядковыми и количественными числительными наблюдается семантическая словообразовательная связь, которая допускает их взаимное преобразование. Порядковые числительные имеют объектом отражения порядковый счет. Интересно наличие в эвенском языке и другого типа порядковых числительных, имеющих притяжательное значение: илитан (третий из них), нюнгитан (шестой из них). В эвенской речи они встречаются, когда говорящий желает особо подчеркнуть, выделить определенную порядковую единицу из числа других.

Итак, наличие порядкового числительного само по себе указывает на существование однородных единиц, кроме выделенной, и что эти единицы подвержены порядковому счету. Это не грамматический мираж существительного или прилагательного, поэтому порядковые числительные невозможно безоговорочно относить к другим частям речи.

Порядковые числительные, не являясь прилагательными, указывают количественный признак — строгий порядковый счет. Но они также не существительные, так как числительные своим объектом имеют порядковую систему счисления, ее неумолимую логику. А этот признак не свойственен ни прилагательным, ни существительным.

Собирательные числительные, куда входят 3 группы слов, объединенных едиными морфологическими показателями. 1-я группа собирательных числительных, образуемая суффиксом -нидюр/-ридюр, является как бы общим названием некоего количества, обозначающим совокупность как единое целое. 2-я группа — для счета копытных животных, юрт, хозяйств: иланру олар (трое, тройка оленей), дыгэнру дю (четыре юрты). 3-я группа — для счета копыльев нарт, очков в игре иларда (тройка, трое). Относительно двух последних групп высказывался В.Д.Лебедев: “По нашим материалам слова с этими аффиксами близки к существительным, образованных от основ количественных числительных. Основным лексическим содержанием их является предметное значение”. Здесь, очевидно, сказывается специфика исторического развития числительных в языке от названия количества конкретных предметов — к абстрактному числу.

Распределительные, повторительные, умножительные числительные представляют своеобразный счет, каждой единице этих систем соответствует понятие, которое выражает счет.

Итак, мы исходим из того, что числительные — слова, воплощающие идею отвлеченного числа. Значит, можно сказать, что числительные принимают форму множественного числа и склоняются по падежам. Например: Тунгандук илам аталракас, д’эр эмэбд’ин. (От пяти отнять три, остается два). Числительные тунган (пять) и илан (три) употреблены соответственно в отложительном и винительном падеже.

Тетрадлаур дяпкарбу даран дуклидра. (Напишите в тетрадах восьмерки друг за другом). Числительные дяпкан (восемь) принимает форму множественного числа, оформляясь суффиксом -р.

В.И.Цинциус утверждала, что именным частям речи в тунгусо-маньчжурских языках (за исключением маньчжурского) свойственна форма падежа, числа и притяжания. Она же отмечала притяжание у порядковых числительных: (ил-и-ду-тан “третьему”).

Таким образом, имя числительное, имеющее морфологические категории падежа, притяжания и числа не представляет собой тождества с другими частями речи, отличается своим лексическим значением. И по этим грамматическим признакам числительное справедливо считается знаменательной частью речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных немецкого языка) // Вопросы теории частей речи, Л., 1968, с.98-106.
2. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л., 1978.
3. Лукин М.Ф. К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания. — М., 1987, № 6.
4. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975, т.1, т. 2.
5. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947.

ЧАСТИЦЫ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа представляет собой изложение основных вопросов, связанных с проблемой изучения частиц в эвенском языке и их употребления в художественной литературе, где более всего используются частицы, придающие речи самые различные смысловые оттенки.

Целью статьи является подробная характеристика частиц, основу составляет материал, изложенный на эту грамматическую тему учеными эвеноведами В.И.Левиным, В.И.Цинциус, К.А.Новиковой, В.Д.Лебедевым, В.А.Роббеком, Х.И.Дуткиным. Авторы рассматривали семантическую и функциональную характеристику частиц, их связь с другими частями речи. Частицы эвенского языка рассматриваются ими как служебная часть речи, которая "выражает различного рода дополнительные смысловые оттенки значения отдельного слова, словосочетания или целого предложения"¹. Таким образом, отсюда следует, что частицы не имеют конкретного лексического значения, не обозначают ни предмет, ни признак, ни действие, ни количество, а вносят в язык добавочные смысловые или эмоционально-экспрессивные значения в предложении.

По степени изучения данная тема является малоисследованной. Так, сопоставление разделов, посвященных частицам, позволяет сказать о том, что если в работах К.А.Новиковой "Очерки диалектов эвенского языка", В.Д.Лебедева "Язык эвенов Якутии", "Охотский диалект эвенского языка", В.А.Роббека "Язык эвенов Березовки", Х.И.Дуткина "Аллаиховский говор эвенов Якутии" дается более подробная характеристика частиц, то в "Кратком эвенско-русском словаре" (Л., 1936 г.) В.И.Левина и в "Очерках грамматики эвенского (ламутского) языка" (Л., 1947 г.) В.И.Цинциус находим общее перечисление частиц. Вместе с тем во всех работах отмечается широкая распространенность частиц в эвенском языке. Так, В.Д.Лебедев пишет, что в охотском диалекте обнаружилось довольно большое количество частиц, придающих самые различные смысловые оттенки словам, словосочетаниям и предложениям, многие частицы отличаются полисемантической, что затрудняет их деление на разряды по семантике. В.А.Роббек отмечает богатство березовского говора частицами, "которые выражают смысловые и модально-экспрессивные оттенки слов и предложений, а также участвуют в образовании некоторых слов и форм слов"². Как служебные слова, частицы сближаются с суффиксами, и даже некоторые частицы имеют фонетические варианты"³, и поэтому различать их от суффиксов в эвенском языке можно лишь, исходя из их значения.

¹ Новикова К.А. "Очерки диалектов эвенского языка", С.129.

² В.И.Левин "Краткий эвенско-русский словарь" М.-Л., 1936, С.211.

³ В.И.Цинциус "Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка" 1947, С.237.

По месту, занимаемому в предложении, частицы всегда постпозитивны по отношению к тому слову, к которому они относятся.

По основным смысловым оттенкам частицы подразделяются на следующие группы:

1. Вопросительные -гу?, -ку?, которые образуют вопросительную форму знаменательных частей речи. Эне, хонгачаякан икэн-гу, төрэн-гу; “ав-ав-ав” гөникэчэкэн кунявагтан? – ‘Мама, олененок поет ли, говорит ли: “ав-ав-ав” повторяет да бежит?’ – Тала орон-гу, накат-ку, як-ку? ‘там олень ли, медведь ли, или кто? Хундулэ орон бисни-гу? ‘У вас олень имеется ли?’ В “Охотском диалекте эвенского языка”: Эмэнни-гу? – ‘Ты пришел?’¹ – Эрэк орон-гу бисин тинив? ‘Этот же олень был ли вчера?’ Употребление вопросительных частиц находим в работе В.А.Роббек “Язык эвенов Березовки” на стр. 223: Аманси тими́на хөрдин-гу, этэн-гу? – ‘Поседет ли твой отец завтра или нет?’ (Имена исследователей языка и названия их работ в дальнейшем будут отмечаться сокращенно).

2. Соединительные частицы -да/-дэ, -та/-тэ, гал, -гэл “а” имеют различные оттенки значений и, выражая соединительные отношения в плне одновременности, означают “и”, да, также. “Ви-дэ, Uva-да – И я, и Иван, (В.Л. э-р-с); Би-дэ, амму-да эмривун – ‘И я, и отец мой пришли. (В.Ц.О г.э.я. 237). Эду бийдэкэтэн кабалан нисэньчэлэн эйэл-дэ, нинал-да чөрпэнчилтэ – ‘Когда они находились на этом месте, вдруг раздался треск, шум, грохот, и люди, и собака встревожились. (В.Л. О. д.э.я. с. 130).

В.Д.Лебедев отмечает, что частицы -да/-дэ также выражают последовательность совершаемых действий: Акму эмчэлэн, би-дэ, нупкутнэмэллэм. ‘Когда мой старший брат приехал, и я тоже захотел ехать учиться’.

Данная частица может употребляться и в роли противительного союза, если сочетается с глаголом бидэй-быгь. Көчукэн-дэ бисиклэй, ирэв-тарав этвэйтэн. ‘Хоть он и маленький, справляется и с тем и с этим’. Нонган-да бими, этэн мудакамалчир – ‘Хоть он и сам собственной персоной, но все равно не закончит быстро’. Кроме того в сочетании со словом он ‘как’ частица -да приобретает значение неопределенности: Ньяан бэйэ оон-да ойчина туркун – ‘Затем человек никак не мог подняться’ (В.Л. О.д.э.я. с. 130).

В отрицательных предложениях эта же частица имеет значение усиленное или отрицательное. Дюду-да хингэс бивэттэн. – ‘Даже в юрте иной бывает’. Эньму яв-да эсни-гуун. ‘-Мама ничего не говорит (В.Ц. О.э.я., 237). Многовариативность значения частиц-да/-дэ можно увидеть и в следующих предложениях: Би он-да эснэм төрэснэ. ‘Я ничего не сказал’. Бакуканнакан-нюн, би нонман нунгади нэмкэдим, акма-да некригчин. ‘-Как только найдет меня, я в него стрелой, как и поступил с братом’ (так же как с братом поступил). Би-дэ бодасандай авчами тэттэм. ‘И я собрался идти с ним, шапчонку надел’.

¹ В.Д.Лебедев “Охотский диалект эвенского языка”. “Наука”, Л., 130.

3. Усилительные частицы широко представлены в работах В.И.Левина, В.И.Цинциус, которые фиксируют следующие: -кка/-ккэ 'то, а, употребляемые в отрицательных, в утвердительных предложениях: "Ви-ккэ- а я".

-дав/-эв, -'то, же'. Ozoh-дал, — 'олень же'. Vej- deI, — человек-же'.

-та-|-тэ -'как раз, прямо'. Тач-ма-ва, -'как раз там'; Vej-te-le 'как раз у человека'. УиI ди-ну, да. (В.Л. Э.р.с. 212).

Кроме перечисленных у В.И.Цинциус находим частицы -кана/-кэнэ, -лучу-, -ла, -лэ, "Көөтли-кэнэ! Посмотри ж только! Мьялалра-ла! Просыпайтесь же! (В.Ц. О.г.э.я. 238). А у К.А.Новиковой и В.Д.Лебедева в особую группу выделены частицы -дакит, -дэкиит, такит/тэкиит с усилительно-выделительным значением, которые употребляются в отрицательных предложениях для подчеркивания качественной характеристики субъекта. Нонан моов-дакит чикина туркуттэн. 'Он даже дрова-то рубить затрудняется'. (В.Л. О.д.э.я., 130).

В.Д.Лебедев пишет о широкой употребительности и многозначности частицы -дакит/-дэкиит, указывает на возможность дополнительных оттенков значений этой неизученной частицы и подчеркивает возможность нескольких значений ее в зависимости от того, с какой частью речи она использована. Например: Нонан -дакит (местоимение) чикина -дакит (глагол), бэй-дэкиит (существительные). При классификации частиц В.Д.Лебедев приводит нигде не зафиксированную частицу -дамар/-дэмэр, -тамар, -тэмэр, которая имеет разделительно-противопоставительное значение: Тачин эрэгэр долбантан эневэйтэн, тарак асаткан дамар лутэлкэн. 'Так всегда ночью приходил, а та девушка имела ребенка' (В.Л. О.д.э.я. стр. 131).

В.А.Роббек в своей работе: "Язык эвенов Березовки" приводит усилительные частицы -да, -тит/-та, тит-, а-, -си, -уч-та; -т-та, ат -е-/э, -си, -ман, -дмар, н'ан/н'эн-ккэнэ, /ккэ, ак-/экэ. Тала нэнритэн, йак-та-тит ачча бисин, төр-тэкэн он-уч-та оча (фолькл.). 'Они пошли туда, ничего не было, только местность как-то по-другому выглядела'. Он-а-м н'экчим, — гөнни аканни, ианат-та ачча. 'Что же будем делать, — сказал старший брат его, — ничего-то у нас нет'. (В.Р. Я.э.Б.226) .

Неопределенные частицы -ул/-вул, -тул, нир-, -ли- 'возможно, -нибудь, либо' — выражают сомнение говорящего лица в высказываемой мысли, возможность желаемого: Нги-вул эмдин 'кто-нибудь-то придет'. Она-нир гадай. 'Как-либо взять'. (В.Ц. О.г.э.я, 238). Ни-виI -кто-нибудь, тик-иI может сейчас, пичли, Ви-пич я ли (В.Л. Э.р.с.212).

Ограничительные частицы ткан-ткэн, -такан/-тэкэн употребляются в значении -лишь 'только'.

Аси -ткан- лишь женщина, ви-ткэн-я-лишь (В.Л. Э.р.с. 212). Хи-кэн унтай нукли. 'Только ты унты снимай'. Качикан-такан кэнели. 'Щенок только плохой' (В.Ц. О.г.э.я. 238).

В.Д.Лебедев по поводу частиц -такан/-тэкэн пишет, что "частица — аффикс образовалась по всей вероятности, в совсем недалеком прошлом, поскольку и сейчас по своему значению и фонетическому облику сходна со словами — частицами: Умэн-тэкэн нулаптан . 'Остался лишь один'. Частица -тэкэн/тэкэн имеет значение "сплошь", 'только, исключительно',

используясь при существительных, местоимениях и причастиях: Як-та эсни ичур эрэли, осикатал-такан ньяаньян һэрлэн ньимдуникэн һуклэмэд-дэ. 'Вокруг не было видно ничего, только одни лишь звезды дремали на дне небосклона, мигая'. Эррээчим-тэкэн эмун, һуунтэнгэй бакһа турку-ридьи. '-Принес только такое, не найдя ничего иного' (В.Л. О.д.э.я. 131).

Мут-тэкэн энинчил хөнтэлнюн бэйлнюн бисит. 'Только мы с матерью с другими (с чужими) людьми были': Мут оранти хоя, теми-дэ имсэнэт хоя, хи-тэкэн ач-та амна, ач-та орна бисэнри. '— У нас много оленей, потому-то имеем много сала, только у тебя ни отца, ни оленей нет, потому и оленей не имеешь'.

Кроме рассмотренных групп модальных частиц, мы находим в работе В.Д.Лебедева определительно-выделительную частицу -кэнэ-кэнэ, имеющую ограничительно-временное значение, которая употребляется с именами, местоимениями, глаголами, деспричастиями: Бии-кэнэ һурчэлэв эмнэнди. 'Ты придешь после того, как я уйду'. Эмдэн-кэнэ, таракам ич-чип. 'Сначала пусть придет-ка, тогда и увидим'. Уучаки-кана дьавнали, тадук-такан итагначидай. '— Сначала иди ловить своего оленя-то, затем только будешь готовиться'.

В эвенском языке имеются частицы, которые могут вставляться в слово перед словоизменительными и формообразующими аффиксами. Частица -тан/тэн придает оттенок разграниченности. Биддэн Умэснэ умэккэн, инэнтэн буйусвэттэн. 'Живет Умэснэ один, каждый день ходит на охоту'. Төөрэнди гөөникэн укэнвэйтэн. '— Он рассказывал, после каждого слова ахая-охая'.

Выделяются частицы — аффиксы -гачин, гэчин, -гчин/кэчин, -начин/нэчин, -мдас/-мдэс, -сэн/-сан. Эргидэлэ һеекитала бэйэмдэс төөрэн иисни. 'Со стороны дерева, которое стоит ближе к нам, слышится речь, как-будто бы похожая на человеческую'. Тар окаатла абдуган нэлгэмдэсэйи дэсчирэн. 'На той реке их вещи лежат, как будто бы большая коряга'. Куначчин эдьи һуликатта'. 'Не капризничай как бы маленький ребенок'. (В.Л. О.д.э.я. 132). В.Д.Лебедев приводит разряды частиц, которые занимают срединное положение в слове -ма/-мэ мақан/-мэкэн, -мак/-мэк, придающих слову или предложению оттенок усилительности, нян-подвердительности: Атикайакан кээннэйэмэклэ нэндэн. 'Старушонка пошла прямо к большой яме'. (В.Л. О.д.э.я.132).

Рассмотренный материал по изучению частиц позволяет нам говорить, что в эвенском языке, как и в русском и якутском языках, частицы — это "грамматико-семантическая категория, выражающая отношение сообщаемого к объективной действительности"¹ и употребляются "для усиления, подчеркивания достоверности высказывания, утвердительной оценки, убеждения, уверенности в достоверности высказываемого факта, а также подтверждения высказанных мыслей."²

¹ Розенталь Д.Э., Теленкова И.А. "Словарь-справочник лингвистических терминов". М., 1972, С.163

² Петров Н.Е. "Модальные слова в якутском языке", "Наука", 1984, С.9.

В.Г.Белолюбская

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАСТИЦ В ЭВЕНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Наиболее широко частицы используются в разговорном, художественном стилях речи, для которых характерно выражение различных чувств. Особенность частиц придавать речи особую экспрессивность, эмоциональность и выразительность дает возможность многим поэтам и писателям широко употреблять их в своих произведениях. Так, различные частицы мы находим в произведениях эвенских поэтов и писателей В.Д.Лебедева, Н.Тарабукина, П.Ламутского, А.Кривошапкина и др.

Частицы -та, -дакит, -ву-ул-тэкэн и другие встречаются в стихотворениях В.Лебедева. Например, в стихотворении "Дялбу төрэнэтэн" поэт, выражая чувство тоски по "малой родине", пишет: Хину би хэлбуттэм илэдэ бивэтми, эрэгэр денчирам илэ-дэ хөллөтми илэ-вул бидэтэн: окат-ул дяпкалан, урэкчэн, хиги-гул бидэтэн долатан. 'Где бы ни был я, всюду хожу, где бы ни был, всюду помню тебя, о, родная сторона'. В.Л. Н.М. 8). Поэт в "Коболчан төрэнэн" восхищается первозданной красотой озера Коболчан и пишет, что в мире нет слов для выражения чувства любви: "Коболчану төнэрэн гякитанган бисивэн этэн эттэ хомне төрэн. Таррочинка одилан икэддэйи оддаку, эчин-тэкэн гөндэку. "Коболчану энгээн холкадикан мөн ээн. Эвкэттин як аин." В другом стихотворении он использует частицу -тэкэн-: Арай өмэн-тэкэн биракчан инэмэннэй долитми. икэдникэн, икэсчин. 'Только лишь один-одни говорливый ручеек, не засыпая песню поет'. Частицы -кэсни, такан-дэ, нукэн, -тэкэн, да, -утта, -дамар помогают поэту выразить чувство юмора в стихотворении: "Амарла дукукандим" — 'Потом подпишусь'.

—Тарав бэйтэн хан-кэсни. Халан төрлэ хадук-такан. Эррөчин-дэ бивэттэн. — 'Уж об этом-то каждый знает. Что иногда-то, где-нибудь и такое-то случается'.

Райкомдук бэйчэкэр милтэрэр муттулэ. Хунгудэлэ газетав бэкэчин-гу дукукан? 'Из райкома к нам уж приехали. У вас на газеты-то все подписались?'

—Этэп-нукэн. Яла-тала хэлинчивми дукукандин. Надан бяг елтэнни. Дукуканданганан газетал. Тарав-дамар тек-тэкэн. Элэкэскэн дявукан. '— Нет уж. Семь месяцев-то прошло, как подписались и то-то только-только привезли'.

Председатель яв-да эсни гөн. 'Председатель ничего-то не произнес'.

Ач төрэнэч хикүти он. Эмчэл бэйл-тэкэн. Мэн мэнур көөтмэттэ, яв-утта хумкэтмэттэ. 'Его как-будто оглушили. А собравшиеся-же друг на друга посмотрели и о чем-то пошептались'. (В.Л. Н.М. с.140.)

Основоположник эвенской литературы Н.Тарабукин в своих произведениях воспевает суровую красоту родной природы, раскрывает доброту и мужество своего народа, выражает чувство гордости за новую жизнь. Образность, эмоциональность, раздумье поэта передаются с помощью различных частиц: вопросительных -иэ-ку, выделительно-ограничительных -такан, -ткэн и др. Так в стихотворении-воспоминании о прошлом "Биеку төрэкэтэну" читаем:

Оран-такан энтимэн долчиггарам. Мут эсэм авгарар удан-такан хил-каткаран”, что в переводе означает: ‘Не слышал ничего, кроме хорканья лишь оленя, только дождь под открытым небом постоянно меня умывал’.

Аю улрэв эчу дептэ, маяду-такан далсиван харив-а. ‘Не ел я досыта, лишь-то питался объедками, не знал вкусной пищи, лишь сладость ягод иногда, доставляла радость’.

Аю, нэрим эчу иттэ, инэни-тэкэн, нёлтэн-тэкэн нэримэн көерив-э. ‘— Хорошо, светло не видел, только солнца лучи, да светлые дни освещали мой путь’.

Хояв хилусу-да бакалдугтив-а. Дебемсич-тэ хуклэри-э насакуч-та гир-кари-а. ‘— И голодный бы засыпал, и оборванный-то ходил, и горя-то много повстречал’.

Нэлкэни-гэ одын-а... Нод-а-ке, ай-ке! Корату-да анаптан. Мэргэму-дэ нэриснэн. ‘— Вот и весна наступила. И на душе-то посветлело, и уши-то раскрылись, и ум-то прояснился’. (Н.Т. Дь. уо.16). Поэт посвящает свои произведения любимой девушке Вале: “Валя”, “Беридек”, где описывает радость первой встречи, грусть разлуки. Частицы -тэкэн, -гэ, -дэ, -ус, -гу, помогают раскрыть различные чувства:

“Гарпутти нелтэн хуланяч нентан хулас-такан гарпун-а, мэргэму-дэ өгэррэн. Чулбаня неча чулбас-такан гиркун-э. Нод-а-ке-да, ай-ке! ‘Вот и яркое солнце мой взор ослепило, и мне голову вскружило, и синь цветов вокруг меня зацвела’. (Н.Т. Дь. уо. 45).

Валя удден тачин-да хунгэлрэн, тачин-да бэрирэм. ‘Вот и Валя следы ветром сдуло, так и ее потерял я навсегда’.

Мэнгэм асаткам гэлэтми, эрэв төрэндев илракан эрэлин, хуклэми-дэ омгарин. ‘-Златовласую девушку ищу, даже сон позабыв. (Н.Т. Дь.уо. 48).

Хуклэми-дэ толкаттам, гирками-да дёнчирам, эмнэв-дэ бакра, ичин-ус некчим? ‘Только во сне я вижу тебя, шагая по тундре не забываю тебя, уж не найти мне никак, что же мне делать?’ (Н.Т. Дь.уо.40). В данном предложении, казалось бы, одни и те же частицы, но они выражают совершенно различные смысловые значения.

В другом стихотворении “Худудяк” поэт показывает веру в светлое будущее. Би-дэ уди бакчим. ‘И я найду свой светлый путь’.

Би-дэ инэнгэнгу эмдин. ‘И для меня-то настанет день’.

Аннани-да нонам, инэни-дэ хоя, нектэнгу-дэ хедин, гявунгу-да гявандин. Наману-да чулбандин. Танмари-да елтэндин, мявми-да бэгдэдим, хөнтэв удю гэлэдим. (Н.Т. Дь.уо. 51). И год продолжается, и день долго длится, и солнце вновь засияет, и рассвет заалееет, и море снова засинеет, и туман рассеется, и сердце вновь застучит, все равно отыщу другую дорогу.

Здесь повторяющиеся частицы -да, -дэ выполняют и роль последовательности совершаемых фактов, и употребляются в роли прогивительного союза (но, все равно).

Н.Тарабукин в своих произведениях воспеваает неповторимый образ матери: “Куна бисив”, “Кунарапу”.

Эньми-тэкэн -дэ тинэндун нямалчири, дюлаккан магдили урэчин бисив-э. 'Лишь только молоко материнское взрастило меня, только тепло-то материнское согрело меня'. (Н.Т. Дь, уо. 55).

В стихотворениях П.Ламутского находим много частиц, которые также придают речи различные смысловые оттенки — вопрос, сомнение, удивление, восхищение, утверждение, уточнение.

“О, тарак, дэври-гу, дэгу-гу, асун-гу, буюн-гу?” -’О, этот, птица ли, дикий олень ли?’

Асун-а, экдемкэр? Бэйду — нэлимси-гу. Хонгачан депни-гу? -’Какой он из себя, большой? Страшен ли человеку? Есть ли олененка?’ (П.Л. Н.м. 64).

В “Колыбельной” П.Ламутский употребляет частицы -ул, -вул, -гу, -гэ, -тэмэр-гэ:

Инженер-ул одинган, буюсси-вул биденэн. 'Инженером будет ли, или охотником?'

Хупкучимнэ-гу одан, бэгдэчимнэ-гэ бидэн. 'Учителем ли станет, или врачом?'

Летчик-тэтэр-гэ бидэн, оралчимнга-гу. 'Летчиком ли будет, или оленеводом'. (П.Л. П.о.к. 101).

Широко представлены частицы в рассказах и повестях эвенского писателя А.Кривошапкина, где раскрывается чувство любви к природе, животным и птицам Севера, где писатель восхищается стойкостью и трудолюбием своего народа:

Инэнь-дэ. Мо хо эни, мин-дэ өгэркэттэн, эсэмкэндэй некрэн. 'Холодно уж. Течение очень сильно, и меня-то тоже поднимает, пытается унести?'

Хонгачан инэньдук нэлэмдук-тэ хилчэснэн. '— Олененок от холода-то, от испуга-то задрожал'. (А.К. Т. с.16).

Яв-да эсэм хавра '— Ничего-то не добавлю?'

Хонгачаявкан эдлэн-дэ хятагагла нэнрэ, тадук нонган дин ни-дэ нён. 'Олененок не успел еще дойти до кустарников, как оттуда вышел кто-то-ростом с него'. (А.К. Т.17).

Хэтэкэндэй некрин, бөдэлэлни эчил гиркамса-да. 'Сорвался бы с места, да ноги-то не идут'. (А.К. Т. 17).

Тугучек муднин, инэну-дэ, долбаннон-да көсчимнэл оларбу көсчир. 'Закончился отел, и днем, и даже ночью пастухи пасут оленей?'

Нэлкэ накаттук-та, тек нонган дебэмсэн, энидук-та ненчактук: бандук-та онакидук оларбу этувэттэ. 'Весной и от медведя, он в это время голоден, и от сильного волка, и от ленивой росомахи. Оленей караулят?'

Хи-дэ кикли, икэрилси энил одатан. 'Ты тоже грызи, чтоб кости окрепли?'

Нян кадарал чидандукун як-та нэлэм-дэ херин, эч-тэ бэй бис. эч-тэ гусэтэ бис. 'Вот из-за гор что-то вылезло, и не человек, и не собака, даже и не ворон'. (А.С. Т. 14).

Тинив Тумэ нян-да мину хэпкэсчирин. 'Вчера Тумэ все-таки опять, меня преследовал'. (А.К. Т. 16).

Исагла чукачар икэнтэн исни. Он-а-си. Нэлкэ эмэддэн. 'В лесу слышно пение птичек. А как же. Весна наступает'. (А.К. Т. 12).

Былей тек партаду тэгэчимчи, задачалбу-да мулчачидимчи. 'Былей сейчас за партой бы сидел, да задачи бы решал'.

Удан-а-си нонарбутан хинмач бокнин, эч-тэ эмэбэмсэ. 'А дождик-то все-таки их настиг, уж не хотелось ему отстать'.

Эрречин нод хонначан нямичандула ок-та эч-бис. 'Такого красивого олененка у нас никогда не было'. (А.К. Т. 4).

Вышеизложенное позволяет нам сказать о том, что частицы широко представлены в художественной литературе в силу того, что они придают словам, словосочетаниям самые различные смысловые оттенки, однако эти богатые средства изобразительной возможности эвенского языка до сих пор не получили специального исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. В.Л. Э.р.с. — В.Левин "Краткий эвенско-русский словарь Москва-Ленинград: Государственное учпедизд., 1936 с.224
2. В.Ц. О.г.э.я. — В.И.Цинциус "Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка". Ленинград. Учпедгиз., 1947. с.233
3. К.Н. О.д.э.я. — К.А.Новикова. "Очерки диалектов эвенского языка. Ленинград "Наука", 1980. с.243
4. В.Л. О.д.э.я. Василий Лебедев "Охотский диалект эвенского языка". Ленинград. "Наука". 1982. с.24.
5. В.Л. Я.э.Я. "Язык эвенов Якутии" Л.: "Наука". 1978. с.208
6. Н.Т. Дь.уо. Николай Тарабукин "Дьүкээбил уота" Якутск Кн. изд. 1971. с.168
7. В.Р. Я.э.Б. Василий Роббек "Язык эвенов Березовки". Архив ЯФ СО АН СССР
8. А.К.Т. Андрей Кривошапкин "Тосапачан"
9. В.Л. Н.М. с.14. Василий Лебедев "Нэлкэрэп мучит (Весенняя хвоя). Якутск. Кн. из-во. 1963. с.88.

ОТЫМЕННЫЕ И ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ТОМПОНСКОГО ГОВОРА

Имена существительные образуются путем присоединения суффиксов к основе или корню. Почти все словообразовательные суффиксы, приведенные в работе В.И.Цинциус были обнаружены и в томпонском говоре (4, с.55-83).

Отыменные существительные в томпонском говоре образуются от других имен посредством следующих суффиксов:

1. Суффикс -к образует существительные со значением лица, находящиеся в определенных отношениях с другим лицом, например: нимэк 'сосед', матак 'муж дочери', нэлик 'гнездо белки'.

2. Суффикс -рук образует существительные со значением вместилища данного предмета, например: инмэрук 'игольник' от инмэ 'игла'. С этим же суффиксом образуются существительные — названия оленей. Основой этих названий являются названия предметов, которые обычно перевозит олень при кочевке, например: бэбрук 'олень, везущий люльку' — от бэбэ 'люлька'; мунтэрэрук 'олень, везущий вьючные сумы' — от мунтэрэ 'парная вьючная сума'; чорарук 'олень, везущий жерди яранги' — от чора 'короткие жерди для нижних подпорок'; ирукарук 'олень, везущий жерди юрты' — от ирука 'жерди юрты'; канкарук 'олень, везущий седло ребенка' — от канка 'седло'.

3. Суффикс -һак/-һэк образует существительные — названия одежды специального назначения, например: д'угаһак 'летняя одежда' — от дугани 'лето'; тугэһэк 'зимняя одежда' — от тугэни 'зима'; болаһак 'осенняя одежда' — от болани 'осень'; удаһак 'дождевик' — от удан 'дождь'.

4. Суффикс -һ образует название шкуры данного животного, например: өликиһ 'шкура белки' — от өлики 'белка'; мундукаһ 'шкура зайца' — от мундукан 'заяц'; обукаһ 'шкура горной мыши' — от обука 'мыши (горная)'.

5. Суффикс -т образует названия предметов, представляющих органическое сочетание отдельных единиц, не встречающихся поодиночке, например: бока-т 'орех', һивэ-т 'хвощ', бурка-т 'белый камень', гурга-т 'усы', умка-т 'комоч снега на дереве'.

6. Суффикс -пан/-пэн образует существительные — названия предметов, надеваемых на что-либо, соприкасающихся с чем-либо, например: ун'апан 'наперсток', ун'капан 'перстень', от ун'икан 'указательный палец'.

7. Суффикс -гида/-гидэ образует существительные со значением указания стороны чего-либо, например: ингэн' 'холод' — от ингэн'гидэ 'холодная сторона север', н'ам 'тепло' — от н'амгида 'теплая сторона'.

8. Суффикс -пу, -па, -лан, -лэн, -ра, -рэ, -р образует слова, обозначающие клички оленей по масти, например: һуд'эпу 'беломордый' — от һуд' 'губа', кокчилан 'белокопытный' — от кокчин 'копыто', һулгара 'олень с белой полоской между рогами', тоһалан 'олень с отметиной на лбу', улкэрэ 'белогрудый', тэлгилэн 'олень темной масти с белой опояской', ун'капа 'олень с белой опояской по шерсти задней ноги', колтар 'олень наполовину белой и черной масти', онявур 'олень с белой шерстью вокруг глаз'.

В.И.Цинциус отмечает, что “группа отглагольных существительных весьма разнообразна и является особенно продуктивной” (4, с.54). Данные В.И.Цинциус полностью подтверждается материалами томпонского говора.

Отглагольные существительные образуются с помощью следующих суффиксов:

1. Суффикс -мга образует существительные, которые обозначают деятеля по основному роду занятий, профессии, например: кәһчимгэ 'дневной пастух' – кәһчидэй 'пасты оленей днем'.

2. Суффикс -д' образует существительные со значением движения, отправления для совершения того или иного действия, например: һөлнэд' 'гость' – һөлнэдэй 'приходить в гости'.

3. Суффикс -лан/-лэн образует существительные со значением лиц, искусных в чем-либо, например: дукалан 'писарь', олан 'мастер'.

4. Суффикс -та/-тэ образует существительные со значением лиц, склонных или привычных к совершению того или иного действия, например: һонгата 'плакса', – һонгдай 'плакать', куһитэ 'драчун' – куһидэй 'драться', кунита 'крикливый' – кунидай 'кричать'.

5. Суффикс -ак/-эк образует существительные со значением процесса или места действия, например: аннак 'ночевка', – аннагдай 'ночевать'.

6. Суффикс -вун, -ун образуют существительные со значением орудия совершения действия, например: уливун 'весло' – улидай 'грести', мэкун 'крюк для вынимания мяса' – мэктэй 'вынимать мясо из котла'.

7. Суффикс -кэ образует слово, обозначающее предмет, от названия действия, например: эвикэ 'игрушка' – от эвидэй 'играть', тирукэ гнет (жерди, ветки, которыми придавливают покрышки юрты) – от тирудэй 'придавливать'.

8. Суффикс -тин образует существительные со значением названия соединительных предметов, например: һанантин 'шов' – от һанандай 'шить'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев В.Д. Основные отличия языка эвенов Томпонского района Якутской АССР. Научный отчет, 1960.

2. Лебедев В.Д. Основные морфологические особенности говора эвенов Томпонского района Якутской АССР. – В сб.: Доклады на XIV научной сессии Якутского филиала СО АН СССР. Якутск, 1964

3. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. “Наука”, 1978

4. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. ч.1, Л.; 1947

5. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.; 1975. т.1, т.2.

6. Дуткин Х.И. Термины оленеводства в эвенском языке //Актуальные вопросы языков народностей Севера. Якутск, 1986. С.106-112.

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В ТОМПОНСКОМ ГОВОРЕ

Имени существительному свойственны следующие грамматические категории: 1) категория числа, 2) категория принадлежности, 3) категория падежа.

В данной статье с подробной характеристикой рассматриваются падежи существительного. Падежи существительного в томпонском говоре представлены 11 рядами форм из 13 падежей, отмеченных в литературном эвенском языке. Отсутствуют направительно-местный и направительно-продольный падежи. В.Д.Лебедев отмечает, что значения этих падежей заменяют употреблением слов мудан, истала, һелилин. (2, с.75).

Каждый падеж в томпонском говоре, так же как и в литературном эвенском языке, кроме именительного, морфологически выражается особым суффиксом.

Именительный падеж отвечает на вопрос ни? (кто?), як? (что?) во множественном числе нийэ? (кто?), ял? (что?). Этот падеж в данном говоре особого показателя не имеет. У большинства существительных форма именительного падежа совпадает с основой. В именительном падеже существительное выступает в следующих случаях:

- в роли подлежащего: Этикэн һуррэн. 'Старик ушел';
- в роли именной части составного сказуемого: Тарак атикан биһин. 'Та старуха была';
- в роли дополнения в притяжательной форме: Ноһан биракчан далилан биһин. 'Он был возле горы'.

Винительный падеж отвечает на вопрос нив? (кого?), яв? (что?), во множественном числе нийэлбу? (кого?), ялбу? (что?). Винительный падеж обозначает:

- прямой объект действия, объективное значение винительного падежа проявляется при переходных глаголах, например: Би дукум дукрам. 'Я написал письмо';
- время действия в этом значении употребляется с существительными, имеющими временное значение, например: Нин долбанив чөптэрэ гогрин. 'Собака лаяла в течение ночи'.

Винительный падеж образуется с помощью суффиксов -в, -у, -м, -бу.

Дательный падеж отвечает на вопросы ниду? (кому?), яду? (чему?), во множественном числе нийэлду? (кому?), ялду? (чему?).

Дательный падеж:

- служит падежом косвенного объекта, например: Этикэн һуличанду олдав бөн. 'Старик дал лисице рыбу';
- имеет значение падежа объекта специального назначения, например: Модук һэктэвунду оватта. 'Из дерева доски делают';
- несет функции падежа места, указывая где совершится действие, например: Атикан окатту уринчирин. 'Старуха у реки остановила стойбище';
- оформляется обстоятельством времени, например: Тугэниду һуличанду инэн' бивэттэн. 'Зимой лисе бывает холодно';

- обозначает условие совершения действия, например: Куличанду орабу урэкчэнду көнчивэттэ. 'В период комаров оленей пасут в горах'.

Существительные в дательном падеже имеют суффикс -ду, -ту.

Направительный падеж отвечает на вопросы нитки? (к кому?), ятки? (к чему?), во множественном числе нилтэки? (к кому?), ялтаки? (к чему?).
Направительный падеж обозначает:

- лицо, предмет или место, к которому направлено действие, например: Би нитэки эмдим. 'Я приду к тебе';

- косвенное дополнение, например: Качикан хакарин йаһалди кунатки көечиддэн. 'Собачка черными глазами смотрела на ребенка';

- время действия, например: Бадикартаки. 'К утру'.

Направительным падежом управляют ряд глаголов: гөндэй 'говорить', 'сказать', улгимидэй 'спросить', көөттэй 'смотреть', ининдэй 'смеяться'.

Существительные в направительном падеже имеют суффикс -тки /-таки/-тэки.

Местный падеж отвечает на вопросы нилэ? (к кому?), яла? (к чему?), во множественном числе нилдулэ? (каком?), ялдула? (на чем?). Местный падеж оформляет дополнения и обстоятельства, определяющие нахождение предмета где-либо, например: Окагла олда һойа. 'В реке много рыбы'.

Существительные в местном падеже имеют суффиксы -ла/-лэ, -на/-нэ, дула/-дулэ.

Продольный падеж отвечает на вопросы нили? (за кого?), яли? (за что?), во множественном числе нийэли? (за кого?), нийэлдули? (за что?), — Продольный падеж обозначает:

- место, вдоль которого совершается действие или производится движение, например: Кунал төнэр һөилин нэндитэн. 'Дети шли по берегу озера';

- предмет, через который или сквозь который совершается действие, например: Нин һангарли олдав дёрмин. 'Собака через дыру украли рыбу';

- предмет, который на что-либо обменивается, например: Өмэн мурандули дөрбу орабу гадив. 'За одну лошадь я взял двух оленей';

- время, по истечению которого должно совершиться действие, например: Д'өрдули инэнни эмд'им. 'Через два дня приду'.

Существительные в продольном падеже имеют суффикс -ли/-дули/-тули.

Отложительный падеж отвечает на вопросы нидук. ниедук? (от кого?), ядук? ялдук? (почему?).

Отложительный падеж обозначает:

- место, от которого или из которого начинается движение, действие, например: Накат һигидук ичуһнэн. 'Медведь показался из лесу'. Оран нэлукэдук дэриһнэн. 'Олень убежал от волка';

- место или предмет, из которого что-либо берут, например: Эньму һэрүктүк оһалду нугаһнин. 'Мама вытасила из выюга камус';

- коллектив, предмет, из которых выделяется часть, например: Би тэтидукий имэндэв чуптарам. 'Я от своего пальто оторвала пуговицу';

- причину действия, например: Орар кулиндук д'отиһла дикэнчир. 'Олени от комаров спрятались на наледи';

- материал, из которого что-либо изготовлено, например: Би авуму нуличан нандадукун һанганапча. 'Моя шапка сшита из лисьей шкуры';

- начало действия, например: Д'уганидук оралчимгал оралбу һигитки илбэвэттэ. 'Летом оленеводы перегоняют оленей в тайгу';

- предмет, сравниваемый с другим предметом, например: Навдака танһян оран танһядукун эгд'эн. 'Рога лося больше рогов оленя.

Отложительным падежом управляют глаголы гадай 'взять', тиэдэй 'отнять', удэй 'продать'.

Существительные в отложительном падеже имеют суффикс -дук/-тук/.

Исходный падеж отвечает на вопросы нигич? (от кого?), ягич? (от чего?), во множественном числе нийэгич? Основное его значение — показать направление, исходный пункт совершения действия, например: Би төнэргич эмдэм. 'Я с озера пришел'.

Существительные в исходном падеже имеют суффикс -гич/-кич/, -нич.

Творительный падеж отвечает на вопросы нич? (кем?), яч? (чем?), во множественном числе нилди? (кем?), ялди? (чем?).

Творительный падеж означает:

- орудие действия: Би һиркань һали минэһнэм. 'Я порезалась ножом';

- способ передвижения, например: Би төнэртики һалгань һуррэм. 'Я до озера пошел пешком';

- характеристику внешности деятеля, например: Муттулэ он'апча тэтилкэн аһи эмдэн. 'К нам пришла женщина с вышитой одеждой';

- объект действия при отыменных глаголах, например: Нонан гилгалди тэтич тэтутгэн. 'Он одет в белое пальто';

- характеристику действия, например: Би эн'му тэтигэи ниһач он'ан. 'Моя мать расшивает пальто бисером';

Творительным падежом управляет ряд глаголов, например: оладдадай 'испугаться', һокондай 'важничать', өрэлдэдэй 'радоваться', бутэндэй 'болеть'.

Существительные в творительном падеже имеют суффиксы -ч, -нь, -ди.

Совместный падеж отвечает на вопросы нинюн? (с кем?), во множественном числе нилнюн? (с кем?), янун? (с чем?), во множественном числе ялнюн? (с чем?).

Совместный падеж обозначает лицо, совместно с которым происходит действие, например: Аһи кунанюн эмдэн. 'Женщина пришла с ребенком'.

В томпонском говоре также присутствует назначительный падеж, который отвечает на вопросы нингэн? янган?

Таким образом, в отношении падежных форм в томпонском говоре нет различий по сравнению с литературным эвенским языком. Основные значения, случаи употребления падежных форм в целом те же, что и в литературном эвенском языке, в томпонском говоре отсутствуют направительно-местный и направительно-продольный падежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев В.Д. Основные отличия языка эвенов Томпонского района Якутской АССР. Научный отчет, 1960
2. Лебедев В.Д. Основные морфологические особенности говора эвенов Томпонского района Якутской АССР — Сб.: Доклады на XIV научной сессии Якутского филиала СО АН СССР. Якутск, 1964
3. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Наука, 1978
4. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. ч.1., 1947
5. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. т. I., т. II.

ЯЗЫК ЭВЕНОВ КОБЯЙСКОГО УЛУСА ЯКУТИИ И ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

Язык наряду с историческими, археологическими, этнографическими материалами, является одним из важных источников установления этногенеза. При изучении говора кобьяйских эвенов обнаруживаются явления, которые могут служить свидетельством происхождения данной группы эвенов. Рассмотрев их, можно сделать следующие предположения.

I. Эвены Кобьяйского улуса имеют общие корни с охотскими эвенами или поддерживали с ними тесные связи. Доказательством этого предположения может служить наличие общих особенностей в языках этих групп, из которых на наш взгляд, следует выделить наиболее важные. Они сводятся к следующим.

Фонетические особенности.

В говорах обеих этнических групп отмечается ассимиляция согласных звуков аффиксов настоящего времени при спряжении глаголов с основами на л, м, н, н (усеченный). Например:

лит.	коб.	ох.
ед.ч.		
1 л. таг-ра-м	таг-на-м	таг-на-м 'я прочитал'
2 л. таг-а-нри	таг-а-нни	таг-а-нни 'ты прочитал'
3 л. таг-ра-н	таг-на-н	таг-на-н 'он прочитал'

Ассимилируются подобным образом согласные аффиксов настоящего времени после основ на л, м, н, усеч.) и в эвенкийском языке, например:

- 1 л. таг-и-м
- 2 л. таг-и-нни
- 3 л. таг-на-н

В говорах обеих групп наблюдается тенденция к сохранению беглых гласных:

лит.	коб.	ох.
дулкан	дулокон	дулакан 'середина'
ирдай	ирудайи	ирудай 'тащить, везти' и т. п.

Морфологические особенности.

Лично-притяжательные аффиксы 2 лица имен существительных во множественном числе и лично-притяжательные, лично-предикативные аффиксы глаголов 2 и 3 лица прошедшего времени в говорах кобьяйских и охотских эвенов имеют несколько иную форму, чем в литературном языке и в других говорах эвенского языка. Сравним:

Лично-притяжательные аффиксы существительные			Лично-предикативные аффиксы глаголов			
	лит.	коб.	ох.	лит.	коб.	ох.
2 л.	-сан	-нан	-сни	-сан	-нан	-сни
	-сэн	-нэн		-сэн	-нэн	
3 л.	-тан	-тнан	-тни	-тан	-тнан	-тни
	-тэн	-тнэн		-тэн	-тнэн	

В отличие от литературного языка в говорах данных этнических групп выделяются определительно-притяжательные местоимения, аналогичные подобным местоимениям эвенкийского языка. Формы определительно-притяжательных местоимений образуются от основы мэн посредством аффикса -ни и следующего за ним личного аффикса, например:

	коб.	ох.	эвенк.
ед.ч.			
1 л.	мэнниву	мэн-ни-в	мэн-ни-в 'мой собственный'
2 л.	мэн-ни-с	мэн-ни-с	мэн-ни-с 'твой собственный'
3 л.	мэн-ни-н	мэн-ни-н	мэн-ни-н 'его собственный'
мн.ч.			
1 л.	--	мэн-ни-вун	мэн-ни-вун 'наш'
(искл.)			
1 л.	мэн-ни-т	мэн-ни-т	мэн-ни-т — 'наш собственный'
(искл.)			
2 л.	мэн-ни-нэн	мэн-ни-сни	мэн-ни-сун 'ваш'
		мэн-ни-сэн	мэр-ни-сун
3 л.	мэн-ни-тнэн	мэн-ни-тни	мэн-ни-тын 'их'
		мэн-ни-тэн	мэр-ни-тын

Но в отличие от охотского говора и эвенкийского языка определительно-притяжательные местоимения образуются не только от основы мэн, но также от основы бэй посредством аффикса ни и личных аффиксов:

ед. ч.		
1 л.	бэй-ни-ву 'мой'	1 л. бэй-ни-т 'наш'
2 л.	бэй-ни-с 'твой собственный'	2 л. бэй-ни-нэн 'ваш собственный'
3 л.	бэй-ни-н 'его'	3 л. бэй-ни-тнэн 'их'

II. Некоторые особенности, присущие говору кобьяйских эвенов, позволяют сделать второе предположение: вполне возможно, что эвены данной этнической группы в прошлом поддерживали тесную связь с эвенками или произошли от эвенкийских родов. Рассмотрим часть этих особенностей.

Фонетические особенности.

Наблюдается выпадение начального фарингального *h* в говоре кобьайских эвенов и в некоторых говорах эвенкийского языка (в говорах северо-байкальских, амурских, томских эвенков). Например: эвенк. *himiktə* (имиктэ 'брусника'), *hunut* (унат 'девушка'); эвен. *hinmач* (иммат, 'быстро'), *hustaj* (устай 'стричь'), *həsidaej* *ohidaej* 'мазать') и т.п.

Происходит ассимиляция согласных звуков аффиксов настоящего времени при спряжении глаголов с основами на *л, м, н, н* (усеч.) и в говоре кобьайских эвенов и в эвенкийском языке, о чем упоминалось выше.

Аффикс направительного говора также свидетельствует о его близости к эвенкийскому языку. Выше отмечалось, что в говорах кобьайских и охотских эвенов имеются определительно-притяжательные местоимения, аналогичные подобным местоимениям эвенкийского языка. Следующая особенность, имеющая принципиальное, на наш взгляд, значение, — наличие в говоре определительных местоимений, подобных которым нет в литературном эвенском языке и его говорах. Данные местоимения образуются от основы возвратного местоимения *мэн* посредством аффикса дательного падежа и лично-притяжательных аффиксов. По значению близки к возвратным местоимениям в дательном и местном падежах *мэн-ди, мэн-ду-лэйи, мэн-дур/мэн-ду-вур/, мэн-ду-лэ-вур*. Но если возвратные местоимения безличны, то определительные указывают на лицо. Кроме того, в предложении они относятся не только к подлежащему, но и к косвенному дополнению в дательном падеже.

Определительные местоимения

ед.ч. коб.		эвенк.	
1 л. мэн-ду-ву		мэн-ду-в	'себе'
2 л. мэн-ду-с		мэн-ду-с	'тебе самому'
3 л. мэн-ду-н		мэн-ду-н	'ему'
мн.ч.			
1 л. —		мэр-ду-вун	'нам'
1 л. мэн-ду-т		мэр-ду-т	'нам'
2 л. мэн-ду-нэн		мэн-ду-сун	'вам'
3 л. мэн-ду-тнэн		мэн-ду-тын	'им'

Трудно предположить здесь заимствование из эвенкийского языка, так как в говоре кобьайских эвенов определительные местоимения образуются также от основы *бэй*, имеющей синонимичное значение с основой *мэн*. Местоимения, образованные от основы *бэй* склоняются, оформляясь при этом лично-притяжательным аффиксом. Основа *бэй* в значении определительного местоимения употребительна и в охотском говоре. В.Д.Лебедев в работе "Охотский диалект эвенского языка" приводит примеры употребления основы *бэй* в значении определительного местоимения, но только в косвенных падежах. Наличие сходных местоимений в говорах кобьайских и охотских эвенов и в эвенкийском языке является свидетельством их близости.

Лексические особенности.

Особенности лексики говора тоже говорят в пользу предположения о близости данной этнической группы к эвенкам. Приведем несколько примеров:

коб.	эвенк.	
омолго	омолга	'парень, мальчик'
ий	ие	'рог'
гявану	гевана	'в прошлом году'
гочин	гочин	'в будущем году'
һиниркэн	синэрэкэн	'мышь'
чирит	ириктэ	'муравей'
омнэт	омнэт	'сразу'
игэлтэ	игэлтэ	'красная смородина'
чирун	чирун	'скупой' и др.

Итак, все вышеизложенное позволяет нам сделать следующие гипотетические выводы:

1. Предки кобьяйских эвенов пришли в места нынешнего расселения с более южных территорий, возможно, с приморских районов или с Прибайкалья, что отразилось в названиях территории, где проживают эвены данной этнической группы, — "ламунка". В пользу этого предположения говорит и следующий факт: кобьяйские эвены говорят ибго в значении 'хороший, добрый и т.п.', тогда как в литературном языке и его говорах употребительно слово ай в том же значении. Слово ибго встречается в арманском диалекте, чьи носители проживают в более южных районах.

2. Данная этническая группа, возможно, имеет общее происхождение с охотскими эвенами и некоторыми эвенкийскими родами.

В будущем необходимо привлечение исторического, архивного материалов, чтобы иметь возможность документального подтверждения наших предположений.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА МЕДВЕДЯ В ЯЗЫКЕ ЭВЕНОВ БЕРЕЗОВКИ

В последние годы активно изучается одно из направлений в социолингвистике — национально-культурная специфика речевого поведения. Каждый язык отражает особую картину мира, увиденную и зафиксированную именно этим народом. В зависимости от географического положения, от образа жизни народа лексика каждого языка развивалась по-своему. Наша задача попытаться раскрыть некоторые особенности лексики эвенского языка, связанной с культом медведя.

У многих народов Европы, Азии и Северной Америки, живших в лесной зоне, существовал культ медведя. У этих народов с культом медведя был связан целый комплекс обрядов, содержащих в себе глубокую духовно-нравственную основу бытования народа.

По представлениям древних эвенов (по данным фольклора) медведь был предком человека.¹ До сих пор старшее поколение эвенов по традиции очень бережно относится к медведю и его останкам. В народе бытуют некоторые приемы лечения желчью медведя, медвежьим салом и внутренним жиром. Лапа медведя служит предметом, отпугивающим злых духов, поэтому многие старые эвены носят ее с собой в качестве талисмана.

У эвенов существует много ритуалов, связанных с культом медведя. Перед тем, как отправиться на охоту, охотники разыгрывали сценку, где охоту на медведя и его смерть изображали как спасение его от земных грехов и помощь медведю продолжать жизнь в ином мире, в ином состоянии. Имеется связанный с этим целый ритуал разделывания туши медведя. Традиция медвежьего праздника у большинства таежных народов связана с целью умилостивить душу медведя, убитого на охоте. Во время охоты и совершения этого ритуала все слова, связанные с медведем, произносились отлично от общепринятых эвенских слов.

Следы этой многовековой традиции можно обнаружить в языке эвенов Березовки, в то время как во многих других говорах они утрачены. Это объясняется тем, что эвены Березовки до недавнего времени жили изолированно и только в 1953 году были объединены в первый кочевой Совет. Первая школа открылась в 1956 году. Язык эвенов Березовки не был подвержен влиянию языков соседних народов — якутов, русских, юкагиров,

¹ Богораз В. Г. "Ламуты", 1931.

Новикова К. А. "Эвенский фольклор". Магадан, 1958.

Роббек В. А., Дуткин Х. И. "Миф о происхождении Земли и человека в эвенском фольклоре" — В книге: "Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока". Якутск, 1978, С. 156-159.

поэтому у них язык сохранился почти в первоизданном виде. В их языке очень много специфических черт, в том числе и о культуре медведя. В Березовском говоре эвенского языка очень богато представлена лексика, отражающая бережное, почтительное отношение к медведю. Обряды, связанные с культом медведя, до сих пор не потеряли своего практического значения, но соблюдают их в основном люди старшего поколения.

В литературном эвенском языке, в основу которого положен ольский говор (язык эвенов села Ола Магаданской области), медведь имеет название: *накат*; а в диалектах; *амика* (колымско-омолонский, саккырырский, ламунхинский говоры), *абаба*, *мэмэчэн* (индигирский говор), *кеганты* (юкагирский говор).¹ В живой разговорной речи обычно бытуют диалектные названия, которые отражены в словаре Цинциус В.И. и Ришес Л.Д. эвенского языка, и в школьном словаре Роббек В.А., Дуткина Х.И. и Бурыкина А.А.²

Лексический материал для статьи собран во время экспедиционных работ в п.Березовка и в оленеводческих стадах Среднеколымского района республики Саха (Якутия).

Лексика, отражающая культ медведя в языке эвенов Березовки, в настоящей статье рассматривается с точки зрения традиционной лексикологии. Мы разделили собранный материал на несколько лексико-семантических групп (ЛСГ) и по мере возможности рассмотрели их этимологию.

1. ЛСГ названий медведя.

Утэ — говорят про медведя, когда идут охотиться. Это слово ближе к слову *упэ* — бабушка. Видимо, это связано с легендой о том, что медведь является предком человека.

Урэчэ — умерший (о медведе). Литературный синоним — *көкэчэ*. По этимологии восходит к маньчжурскому *урэн-өрэн-эорэн* - 1. труп; 2. истукан; статуя; 3. будд. изображение, лик (святых)³;

Нэгдэкэ — медведь, говорят, когда рассказывают об охоте на медведя чужому человеку.

Очурхан — медведь, так говорят детям.

Гирқа — медведь, так говорят женщинам. От слова *гирқа* — дай. В современном понятии *гирқа* — шатун, *гиркэ* — спутник по путешествию и т.д.

¹ Ришес Л.Д., Цинциус В.И. "Русско-эвенский словарь", М., 1952.

² Роббек В.А., Дуткин Х.И., Бурыкин А.А. "Словарь эвенско-русский и русско-эвенский" (пособие для учащихся начальной школы). Л., 1988.

³ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975, т. II, С.289.

2. ЛСГ названий частей тела медведя.

Удэн — мясо медведя. Лит. — улрэ.

Усун — зуб медведя. Лит. — ит.

Осикатан — глаз медведя. Производное от слова осикат — 1. звезда, 2. искра. Лит. — ясал.

Ғалдакичан — медвежий язык, Лит. — еннэн.

Коканмай — жир глазного дна. Лит. — имсэ.

Кабаланни — горловой хрящ. Лит. — капкан.

Некикэн — шея медведя. Лит. — никан.

Мэрэлрэ — ребро медведя. Лит. — эвитлэ.

Ғуланян — легкие медведя: Производное от слова ғуланя — красный. Лит. — эвти.

Һуприкэбэн — почки медведя. Лит. — бостан.

Нэл'эк — морда медвежья. Лит. — онат.

Уливунни — кровь медвежья. Лит. — хунгэл.

3. ЛСГ предметов, которыми пользуются при разделке, при охоте на медведя.

Ғучинка — нож, которым разделяют убитого медведя. Лит. — һирқан.

Тийун — копье, которым охотятся на медведя. Лит. — гид.

Ғэбгэр — лыжная палка. Лит. — нинқами.

Ғели — лабас для складывания костей и мяса. Лит. — урадан.

Ғуйкун — то, чем вынимают из котла мясо медведя. Лит. — уривун.

Чубун — ложка, которой пользуются во время еды. Лит. — ун'кан.

Кантивун — котел, в котором варят мясо медведя. Лит. — екэ.

Н'ингили — огонь. Лит. — тоф. Интересен тот факт, что в аллайховском говоре огонь — н'инилэ.

Также в дополнение к вышеназванным лексико-семантическим группам (ЛСГ) мы приводим некоторые примеры глаголов, названий мест, связанных с культом медведя.

Урдай — (урран) — принес себя в жертву (о медведе).

Макукандай — выстрелить в медведя. Лит. — пэктэрэндэй.

Ғэкандай — заметил (о медведе). Лит. — иттэй.

Ғайамкандай — посмотреть на медведя. Лит. — ичисэндэй.

Д'убгидай — сварить мясо медведя. Лит. — өлэдэй.

Кунакаттай — сесть мясо медведя. Лит. — улрэтидэй.

Ғуйкудэй — вынуть вареное мясо медведя. Лит. — урудэй.

Ғэвулэнчэ — говорят о том месте, где отлеживался медведь. Лит. — дэсчичэ. Дэсчичэ говорят о том месте, где отлеживались другие звери или человек.

Ғулдамкинни — медвежий след. Лит. — уд'ин.

Даже эти приведенные выше немногие факты показывают, насколько богата и многообразна лексика, отражающая культ медведя, в языке эвен-нов Березовки. Фактически разговор двух собеседников — участников охоты на медведя или разговаривающих о медведе должен быть понятен только им. Конечный смысл появления оберегов заключается в том, что, кроме разговаривающих, никто не должен понять, о чем идет речь. В особенности это касается юношей, которые еще не участвовали в охоте на медведя, детей и женщин.

Тематическая классификация лексики, связанной с культом медведя, не раскрывает всей полноты значения отдельных языковых фактов; лишь в некоторой степени заостряет внимание исследователей именно на изучение ЛСГ и их этимологии. Но собранный материал и данные фольклора позволяют предположить, что раньше охотники — эвены пользовались не отдельными словами оберегами, а существовал эвфемический язык охотников, со своей сложившейся системой и непонятный для посторонних. Такой же, как и язык шаманов, который и сейчас известен (в частности) их потомкам. Но даже в Березовке это явление мы застали в позднем, почти исчезнувшем виде, и уже представляется почти невозможным выявить всю систему эвфемического языка охотников-эвен-нов на медведя без специальной углубленной работы с самими охотниками — носителями эвенского языка старшего поколения.

Примечание: Приведенные примеры ранее не были зафиксированы в письменных источниках.

Принятые сокращения:

ЛСГ — лексико-семантические группы

Лит. — литературный.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ АЛЛАЙХОВСКИХ ЭВЕНОВ И РУССКОУСТЬИНЦЕВ ЯКУТИИ

Эвены представляют собой северо-восточную ветвь тунгусов. Термин “тунгус”, распространенный в дореволюционной России, фактически определял два самостоятельных народа — эвенков, или собственно тунгусов, и эвенов, представителей северо-восточной ветви тунгусского этноса. Эвенов называли ламутами (от тунг. сл. “лам” — “море”, т.к. значительная часть эвенов живет на побережье Охотского моря). А с 30-х гг. XX в. тунгусов стали называть эвенками, а ламутов — эвенами (1). Распространение оленных эвенов по северо-востоку России происходило одновременно по нескольким направлениям. Одна из групп кочевала по отрогам Верхоянского хребта между Яной и побережьем Охотского моря, здесь они начали расселяться во владениях юкагиров, следуя к северу по горам, окаймляющим долины рек Яны, Колымы и Индигирки.

В настоящее время эвенское население Аллаиховского улуса живет в поселках Оленегорск, Остунг и Чокурдах. Первые свидетельства об этих эвенах относятся к XVII в. Как и другие народы Севера России аллайховские эвены делятся на несколько самоназваний родов: Бугачи, Дялянкин, Кукуюн, Ёлдача и Дутки (или Дуткиль). Наиболее многочисленные роды — Дутки и Бугачи, так из 154 чел. взрослого населения эвенов этих мест на два рода приходилось 88 чел. (2). (А по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. всего эвенов Якутии насчитывалось 9216 чел.) (3). Этническая история аллайховских эвенов до сих пор специальному исследованию не подвергалась, сами же представители родов хорошо не знают своего происхождения. Более того, в личных документах некоторых из них в графе “национальность” проставлено “юкагир”, хотя разговаривают они только по-эвенски.

Цифры, приведенные выше, показывают, что этот малочисленный народ находится под угрозой исчезновения, а значит, и существует возможность утери их культурного наследия, накопленного многовековой историей жизни на полюсе холода. Для мировой культуры эта утеря будет невосполнима, поэтому изучение культурного наследия эвенов представляет несомненный интерес. Человек и тундра, их взаимоотношения, зависимость человека от природы — все это жизнь, и поэтому хотелось бы это особо подчеркнуть, ведь даже самые простые, обыденные дела на севере приобретают совсем другую окраску, чем, допустим, в средней полосе России, потому что человек смог выжить, адаптироваться в суровом краю.

В работе использованы данные архива ИЯЛИ СО АН СССР “Материалы фольклорно-лингвистической экспедиции ИЯЛИ в Аллаиховском районе в 1974 г., 1975 г.”, были привлечены материалы из семейного архива, записанные Е.В.Едукиным “Традиции эвенов Аллаиховского района” и некоторые статистические данные Всесоюзной переписи населения 1989 г. Кроме этого, использованы работы А.Г.Чикачева о русском

населении Крайнего Севера России “Русские на Индигирке”, В.А.Туголукова “Идущие поперек хребтов” о расселении эвенов на севере. Книга Н.В.Абаева “Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии” — одна из последних работ по данной тематике. Из всех работ по этнографии, традиционной культуре народов Восточной Азии, монография Н.В.Абаева — единственная работа, затрагивающая экологические проблемы в традиционной культуре. Немалое место в статье занимают сведения о русском населении Севера, их взаимосвязь с эвенским народом. Также проводились параллели с монгольскими традициями. Все эти культуры рассматривались в контексте взаимодействия человека с природой, выявления механизма этого взаимодействия. Было заострено внимание на природных началах в традиционной культуре народов Восточной Азии.

Эвены Аллаиховского улуса Якутии — потомки кочевых оленеводов и охотников, охватывавших большой радиус кочевок в бассейнах рек Колымы и Индигирки. Природно-климатические, конкретно-исторические факторы и географическая изолированность от других народов наложили отпечаток на мировоззрение, на их культуру в целом. Это находит отражение в традициях и обычаях северного народа, благодаря которым они выжили в суровом краю. Ведь был накоплен многовековой, бесценный опыт народной мудрости выживания и сохранения жизни человека.

Основой подобного отношения к природе и всему живому является мировоззрение, заложенное в шаманских и дошаманских представлениях эвенов. Эти религиозные представления предполагали особо тесные и доверительные отношения человека с природой. Надо отметить, что в XVII — XIX вв. эвенское население официально стало православными христианами, этому способствовало проникновение русских первопроходцев в Сибирь и на Дальний Восток. Но христианство для эвенов так и осталось только официальной религией, и выражалось это в русских фамилиях и именах эвенов, так до сир пор на севере Якутии распространены имена Христофор и Христина. И все же они остались язычниками, веря в свои божества и духи.

На протяжении трех столетий рядом с эвенами жил странный народ — “ни якуты, ни русские”. Русскоустыинцы — потомки первых землепроходцев и мореходов XVII в., обосновавшихся в дельте р.Индигирки и ассимилировавшихся с местным населением (эвенами и якутами). Однако эта этническая группа, несмотря на некоторую ассимиляцию, приобрела свою национальную устойчивость. Этому способствовали компактность проживания, замкнутый быт и хозяйство полунатурального характера, кроме этого, определенная территориальная обособленность и отдаленность от окружавших их коренных народов. В более позднее время, когда русских жителей на Севере стало достаточное количество, браки совершались в основном, внутри его общества или с колымскими русскими, а браки с северными народами стали редкими. Проживают русские старожилы в п. Русское Устье, это комплекс поселений, расположенных в дельте Индигирки. В начале XX в. таких заимок насчитывалось около 30 (4). Русский

человек на Севере, не связанный с земледелием, довольно легко менял жительство, стараясь построить жилище поближе к местам, богатыми рыбой, их основному виду хозяйственной деятельности. Русскоустыинское население считало себя православными христианами, хотя в душе всегда были язычниками, разделявшими шаманские представления эвенов. В результате чего появилось уникальное явление — двоеверие, если эвены были православными только официально, оставшись при своей религии, то русские жители Севера официально были православными, разделявшие представления о мире и месте человека в нем, как и эвены. До наших дней они соблюдают обряды, которые были на русском Севере в XVII в., а может и в XVI в., сохранен язык того понятие, как “Сендуха” (от ст.рус.яз. — “сенный дух” или “духи-соседи”), употребляемое в широком смысле: суша, ровная природа, словом, вся тундра. Она кормит человека и поэтому отношение к ней особенное. На сендухе нельзя кричать, громко смеяться, а при остановках в пути обязательно “кормили” огонь и оставляли лоскутки тканей. “Где человек огонек топил, где чаечек попил, то место три года радуется” — говорили старики. Таким образом, человек стремился показать свое уважение к земле, на которой живет.

У монголов Центральной Азии в одежде традиционна мягкая обувь с загнутыми кверху носами, объяснение типичной обуви кроется в желании “не поранить землю”, в бережном отношении к земле (6). Для эвенов тоже характерна мягкая обувь (унты), сшитая из шкуры оленя с загнутыми кверху носами.

По эвенскому поверью вся природа: земля, воздух, вода, горы и долины, одним словом вся тундра со своим живым и растительным миром, для его жителей является как бы живой и невидимой сущностью, который живет рядом и постоянно влияет на жизнь людей, в зависимости от отношения каждого человека к нему, так происходила взаимосвязь между человеком и природой. Его эвены называли “эн’эн тур”, что означает “мать-земля-родина”. В знак уважения человека дарит ему подарки в виде разноцветных тряпок или разношерстных лоскутков шкуры, развешивая их на деревьях, тем самым, как бы устанавливались родственные отношения, и поэтому человек уважал и преклонялся всему живому вокруг. Подобный ритуал существовал и у монголов, описанный Н.В.Абаевым. Так, на деревьях у священных мест развешивали ленточки или лоскутки тканей, часто с мантрами. Как указывает Н.В.Абаев, в слове “мантра”, т.е. “защита от вредного влияния со стороны”, человек стремился защитить себя (7).

По религиозным представлениям эвенов каждое дерево обладает душой — һан’ан. Существовали деревья, в которых обитали духи определенной местности. Однотипное можно встретить и в традиционной культуре монголов. Поэтому они не рубили без крайней нужды деревья, а рубка одиноко стоящего дерева приравнивалась к убийству человека, потому что в этих деревьях жили духи этой местности, следившие за порядком здесь (8).

Благосостояние эвенского хозяйства измерялось количеством ездовых оленей, только при этом условии семья могла совершать далекие кочевки, связанные с мясной и пушной охотой, а летом — рыболовством. Охота для эвенов являлась одним из важнейших источников существования. И в знак уважения к природе человек соблюдал определенные этические нормы, связанные с охотничьей деятельностью, как запрет ходить по костям животных, рыбной чешуе и тем более бросать их в грязь.

Атрибутом охотничьей деятельности у монголов был личный нож — одна из наиболее ценных вещей. Как правило, он всегда чист, часто богато украшен, и нередко это — настоящее произведение искусства. За внешней стороной этого атрибута охоты проявляется отношение человека к природе, его уважение к ней, человек равнодушен к тому, с каким оружием пойдет на охоту (9). Охотники тундры тоже всегда следили за своим оружием, берегли его и по возможности старались украсить.

У тундровиков-эвенов существовало поверье “Дабдандан или гаһамдан”, который регулировал охоту и определял этические нормы между охотниками. Суть этого поверья заключалась в следующем. Существовала вероятность удачи на охоте только у одного человека, чтобы на почве подобной охоты не было вражды и зависти говорили: “Великий Покровитель охоты на этот раз дал удачу только одному из нас, но в следующий раз удача улыбнется и другому”. Так регулировались отношения между охотниками, не допуская негативных проявлений человеческих качеств. Взрослые приучали детей к честной охоте с малолетства. Также у эвенов был выработан особый этикет при самой охоте, к примеру, без необходимости никогда не убивали птиц и животных, из гнезд брали только при страшном голоде, но при этом всегда оставляли одно-два яйца для развода; не убивать выводок птиц и животных, птиц и даже грызунов, прибывших от преследования хищников, при стихийном бедствии, потому что они пришли за помощью к человеку, так как жить в тундре без посторонней помощи очень трудно. Тут действовал закон взаимовыручки и помощи друг другу.

Можно наблюдать навыки бережного отношения к природе и у русскоустыинцев. Особенно это относится к рыбе, их основной пище. Существовали своеобразные заказники, в которых они или вовсе не рыбачили, или занимались промыслом только в определенное, строго ограниченное время. Например, запрещалось заниматься подледным ловом до Дмитриева Дня (до 26 декабря по старому стилю), а в определенных местах (местах зимнего нагула рыбы) вовсе не рыбачили. В речи русскоустыинцев также существовали определенные нормы. Так, собираясь на охоту они никогда не употребляли слов: “добывать”, “промышлять”, “ловить” и т.д., а говорили “пошли на сендуху” или “пошли караулить оленей”. При разделке дикого оленя охотник оставлял себе голову добычи, никому ее не отдавал, чтобы вместе с ней не отдать и свою удачу (10).

Для всех жителей Крайнего Севера характерны традиции промысловой охоты, выраженные в бережном отношении к окружающей их природе. Так, отлавливали зверей определенного пола и возраста в конкретное

время года. Еще регулировалась потребность добычи, каждый охотник и рыболов добывал некоторое количество пищи, т.е. столько, сколько требовалось для пропитания людей. Нельзя было убивать животных просто так или чтобы добыча пропала (сгнила). Жители Севера верили, что природа следит за тем, как живут люди и всегда отзывается на все их поступки.

Таким образом, у эвенов сложилось адаптированное мировоззрение, где признание могущества природы было доминирующим. Северный человек являлся частью природы, был его младшим братом и жил с чувством целесообразности и соразмерности с окружающей его природой. У них веками шло приспособление и хозяйственной деятельности к местным условиям, адаптация человека на севере сопровождалась с их духовным развитием, расширением мировоззрения и "очеловечиванием" природы, выражаемое в почитании и обожествлении его.

Живя по-соседству, эвены и русскоустыинцы обогатили свою культуру незаметно, путем взаимопроникновения, обмена в духовной и материальной сферах культурного наследия. Эвены, как и все жители Крайнего Севера, сдержаны в своих чувствах и немногословны. Внимание и забота о человеке у них проявляются неброско, незаметно и бескорыстно. До сих пор бытует в народе убеждение, что не сделать человеку добро — грех, а сделать и укорить — великий грех. Экологические традиции живы среди эвенов и ныне, каждый северянин, выросший на земле своих предков, впитывает их в себя с детства.

Итак, народы Восточной Азии, их мировоззрение, национальная культура, экологические традиции вытекают из понимания единства природного и человеческого начал. Их ценностные ориентиры основаны на этических нормах, которые регулировали отношения между людьми, а ритуал поддерживал устойчивость основных параметров жизни всего этнического коллектива, также удерживал равновесие между людьми и природой. Здесь вполне уместно высказывание Н.В.Абаева о том, что каждая этническая культура экологична, так как она сформировалась во взаимодействии человека с определенной природно-ландшафтной средой путем адаптации к ней. Адаптация же выражается в слиянии определенного этноса с природой, достигая гармоничного состояния "человек-природа", взаимодополняя друг друга. Эвены, по-своему, вписались в природную среду и составили единое целое, традиции и обычаи способствовали этому и регламентировали саму жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туголуков В.А. Идущие поперек хребтов. Красноярск, 1980. С.
2. Материалы фольклорно-лингвистической экспедиции ИЯЛИ в Алдаиховский район в 1994 г. (Архив ИЯЛИ СО АН СССР). Ф.5, оп.14, д.116, л.3.
3. Статистический сборник // Якутское республиканское статистическое управление. 1990. № 97. С.7.
4. Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990. С.20.
5. Там же. С. 130.
6. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии /Под ред. Абаева Н.В. Улан-Удэ. 1992. С.82.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, С. 133.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Материалы фольклорно-лингвистической экспедиции ИЯЛИ в Алдаиховский район в 1974 г., 1975 г. (Архив ИЯЛИ СО АН СССР).
- Семейный архив, записанный Едукиным Е.В. "Традиции эвенков Алдаиховского района".
- Статистический сборник Якутское республиканское статистическое управление, 1990. № 97.
- Туголуков В.А. Идущие поперек хребтов. Красноярск, 1980.
- Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск, 1990.
- Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии /Под ред. Абаева Н.В. Улан-Удэ, 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

1. <i>Дуткин Х.И.</i> Краткий обзор вопросов эвенской филологии	3
2. <i>Шарина С.И.</i> К вопросу о категории нумеративности в эвенском языке	11
3. <i>Шарина С.И.</i> Имя числительное в эвенском языке	17
4. <i>Белолюбская В.Г.</i> Частицы в эвенском языке	21
5. <i>Белолюбская В.Г.</i> Использование частиц в эвенской художественной литературе ..	25
6. <i>Петрова В.А.</i> Отыменные и отлагательные существительные в Томпонском говоре	29
7. <i>Петрова В.А.</i> Категория падежа в Томпонском говоре	31
8. <i>Ермолаева В.С.</i> Язык эвенов Кобяйского улуса Якутии и вопросы этногенеза	35
9. <i>Роббек Е.В.</i> Отражение культа медведя в языке эвенов Березовки	39
10. <i>Белянская М.Х.</i> Ў Экологические традиции Алдаиховских эвенов и русскокустынцев Якутии	43

Вопросы эвенской филологии и этнологии (Труды молодых ученых)

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМНС СО РАН

Технический редактор: *А.Н. Саввинов*

Сдано в набор 03.07.96. Подписано в печать 15.07.06.
Формат 60x84/16. Гарнитура Таймс. Печать электорграфическая.
Усл.п.л. 3,25. Уч.-изд.л. 2,4. Тираж 100 экз.
Заказ № 26. Цена договорная.

Издательство "Северовед"
677008, г.Якутск ул.Сосновая, 4.